РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 37. 11-го Сентября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“: МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Безумная.

Забылась она и въ восторгѣ безумномъ
Хохочетъ, вся страсти и нѣги полна.
Разбившись въ восторгѣ томъ радостно-шумномъ,
Спустилися кудри волосъ, какъ волна,
Больною любовью глаза загорѣлись,
Высоко колышется грудь у нея
И щеки румянцемъ стыдливымъ зардѣлись,
Огонь всесжигающій въ сердцѣ тая.
Ей слышится шепотъ съ привѣтомъ и лаской,
Ей чудится сладкій въ тиши поцѣлуй,
Ей кажется няня баюкаетъ сказкой
И шепчетъ ей тихо: «Дитя, не балуй!».
Промчались счастливые дѣтскіе годы,
Какъ сонъ, промелькнули, исчезли они,
И вотъ наступили тяжелой невзгоды
И сумрачной жизни тревожные дни!
И мыкалась бѣдная, счастья искала,
Искала привѣта и ласки она,
Но въ людяхъ одну лишь насмѣшку встрѣчала,
Душа ея горемъ была вся полна.
Несчастье, какъ тѣнь, за бѣдняжкой бѣжало,
Несчастье сушило и сердце, и грудь,
Года промелькнули и время настало,
Настала пора отъ невзгодъ отдохнуть.
Лежитъ, отдыхаетъ на койкѣ больничной,
Усталые взгляды огнемъ не горятъ,
Пропалъ и румянецъ со щечекъ обычный,
Сомкнулись уста у нея и молчатъ.
И только порой, какъ безумье проходитъ,
Тоской наполняется сердце ея,
Глазами тоскливо палату обводитъ
И шепчетъ: «О, Боже, теперь я Твоя,
Возьми меня, Боже, въ Свои Ты селенья,
Тамъ нѣтъ ни печалей, тамъ нѣтъ и невзгодъ,
Тамъ буду носиться я легкою тѣнью,
Свободна отъ всякихъ житейскихъ заботъ.
Возьми меня, Боже!..» Но новый припадокъ,
Горятъ ея очи безумнымъ огнемъ
И кажется міръ ей и скверенъ, и гадокъ,
И сколько порока схоронено въ немъ!
И этотъ житейскій порокъ она хочетъ
Изъ жизни съ корнями навѣки извлечь
И въ злобѣ безсильной безумно хохочетъ,
Безсвязно лепечетъ безумную рѣчь.

Ив. Епифановъ.

ЕЙ ВЕСЕЛО. Съ картины К. Фульдъ.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

«Таковы пути всякаго, кто алчетъ чужого добра: оно отнимаетъ жизнь завладѣвшаго имъ».

Притча Соломона, гл. I, стр. 19.

I.

ТРУППА играла уже вторую недѣлю въ довольно большомъ губернскомъ городѣ, но сборы были не особенно хорошіе.

Актеры ходили невеселые, и только комикъ Андрей Ивановичъ Козодавлевъ-Рощининъ казался бодръ по обыкновенію, не унывалъ и старался другимъ придать оживленіе.

Антрепренеръ открылъ спектакли веселой комедіей и фарсомъ, надѣясь, что публика охотно пойдетъ смотрѣть ихъ, но ошибся въ расчетѣ. Думали, что причиною этого была жара.

Лѣто было въ разгарѣ. Стоялъ іюль мѣсяцъ. Актеры кляли жару и желали дождливаго времени. Выдался, наконецъ, и дождливый день, но публики собралось еще меньше. Попробовали замѣнить веселую комедію и фарсъ мелодрамой, но и мелодрама не выручила. Тогда рѣшили перейти на серьезный репертуаръ и стали репетировать „Отелло“ Шекспира.

Самого Отелло игралъ трагическій актеръ труппы Ромуальдъ-Костровскій, взятый на роли мелодраматическихъ героевъ и жаждавшій показать себя въ настоящей трагедіи. По его настоянію, главнымъ образомъ, и ставился „Отелло“.

Въ успѣхъ, однако, никто не вѣрилъ и репетировали неохотно. Да и роли не расходились по труппѣ. На большинство ролей не нашлось актеровъ, такъ что предателя Яго пришлось играть добродушному комику Козодавлеву-Рощинину, что вовсе не подходило къ его средствамъ.

Дездемону изображала юная, семнадцатилѣтняя, взятая на вторыя роли, актриса Микулина. Премьерша труппы, Надежда Ивановна Донская, наотрѣзъ отказалась отъ этой роли, заявивъ, что она будетъ играть Дездемону развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда изъ „Отелло“ сдѣлаютъ оперетку.

Эта мысль, впрочемъ, понравилась антрепренеру и онъ обѣщалъ современемъ поставить шекспировскаго „Отелло“ въ видѣ оперетки...

Спектакль долженъ былъ идти съ одной репетиціи. Больше возиться съ этимъ дѣломъ было некогда. Репетировали безъ ролей, по суфлеру, у котораго имѣлся единственный экземпляръ пьесы, находившійся въ театрѣ.

Самъ главный исполнитель, трагикъ Ромуальдъ-Костровскій, зналъ стихи текста лучше другихъ, но все-таки отчаянно перевиралъ, хотя не хотѣлъ сознаться въ этомъ, ссорился съ остальными, упрекалъ ихъ въ незнаніи ролей и стремился заранѣе свалить на нихъ неудачу.

Одна Микулина какимъ-то чудомъ успѣла выучить роль Дездемоны, но она докладывала ее такимъ почти дѣтскимъ, безпомощнымъ лепетомъ, что ея не было слышно даже въ первомъ ряду...

— Громче, громче! — кричалъ на нее Ромуальдъ-Костровскій.

Микулина старалась говорить громче, но изъ этого ничего не выходило, кромѣ чуть внятнаго щебетанія...

Ромуальдъ-Костровскій по мѣрѣ хода репетиціи приходилъ все въ большее и большее отчаяніе, выражавшееся у него въ томъ, что онъ все чаще и чаще направлялся къ буфетной стойкѣ и требовалъ тамъ себѣ рюмку водки сначала съ буттербродами, потомъ просто съ кускомъ селедки, а затѣмъ и вовсе безъ закуски...

Театръ находился въ городскомъ саду, состоявшемъ изъ двухъ аллей и площадки предъ верандой, примыкавшей къ театру. Тутъ, на верандѣ, помѣщался и буфетъ, т. е., стояли столики и буфетная стойка, за которой сидѣлъ вѣчно сонный буфетчикъ.

Онъ имѣлъ удивительную способность засыпать моментально и Ромуальдъ-Костровскому приходилось будить его для каждой рюмки водки.

Мало-по-малу буфетчикъ, казалось, до того привыкъ къ этому, что при звукѣ голоса приближавшагося трагика вскакивалъ сонный, хватался за графинъ съ водкой, наливалъ и отмѣчалъ въ тетрадкѣ противъ фамиліи Ромуальдъ-Костровскаго лишнюю палочку для счета, сколько ему отпущено рюмокъ.

Премьерша Донская, не принимавшая участія въ репетиціи, завтракала, занявъ отдѣльный столикъ вмѣстѣ съ антрепренеромъ, державшимъ себя очень мрачно и необщительно.

Актеры то и дѣло бѣгали въ кассу, чтобъ узнать, какъ идетъ продажа билетовъ, и возвращались съ вытянутыми лицами. Продажа никакъ не шла, ни одного билета еще не было продано.

II.

Повидимому, „Отелло“ обѣщалъ сборъ еще худшій, чѣмъ давали предыдущія представленія.

Донская злорадствовала, трагикъ пилъ, антрепренеръ какъ-будто махнулъ на все рукою и заявилъ, что если еще одинъ такой день, безъ сбора, какъ сегодня, то онъ „не выдержитъ“. Это значило, что онъ перестанетъ платить деньги актерамъ и они рискуютъ сѣсть на мель.

Комикъ Козодавлевъ-Рощининъ подошелъ къ столику, гдѣ сидѣла Донская съ антрепренеромъ, и заявилъ:

— Антонъ Антоновичъ, составляйте афишу на завтрашній день...

Антрепренеръ Антонъ Антоновичъ мутно поглядѣлъ на него, какъ-бы желая узнать, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.

— Пишите! — подмигнулъ ему Козодавлевъ.

Антрепренеръ отвернулся.

— Вы вѣчно со своими шуточками, — раздраженно произнесъ онъ, — а мнѣ теперь не до смѣха.

— Я вамъ говорю, пишите афишу на завтрашній день, — повторилъ комикъ. — Я вамъ ручаюсь за полный сборъ...

Въ тонѣ его вовсе не было слышно шутки. Повидимому, онъ говорилъ совершенно серьезно.

— Что-же вы думаете поставить? — спросилъ Антонъ Антоновичъ.

— А что хотите; поставьте хотя фарсъ какой-нибудь.

— Да, вѣдь, ужъ ставили...

— А вы опять...

— И въ этомъ вся штука? — безнадежно протянулъ антрепренеръ, готовый было ужъ оживиться.

— Нѣтъ, — возразилъ Козодавлевъ-Рощининъ. — Вся штука въ водевилѣ, который пустимъ подъ конецъ...

— Какой-же это водевиль?..

— „Темно-синій мужъ или наказанная невѣрность“...

— Я не знаю такого водевиля.

— Все равно, пишите.

— И вы ручаетесь за сборъ?
— Ручаюсь.
— Но на какомъ основаніи?
— Увидите.
— Но вы объясните...

Нѣсколько актеровъ подошли уже къ столику, чтобъ послушать, въ чемъ дѣло. Они вѣрили въ изобрѣтательность стараго комика, выручавшую ихъ не разъ и прежде.

— Да пишите, составляйте афишу, — послышались голоса, — Андрей Ивановичъ зря говорить не станетъ, если дѣло серьезное. Вѣдь, все равно, что ставить... А ужъ если онъ говоритъ...

Антрепренеръ вынулъ изъ кармана листъ бумаги и сталъ писать афишу...

— Прикажите только, чтобъ въ типографіи набрали „Темно-синій мужъ“ самымъ жирнымъ и крупнымъ шрифтомъ, какой только найдется, — сказалъ Козодавлевъ-Рощининъ.

Въ то время какъ антрепренеръ Антонъ Антоновичъ выводилъ чернильнымъ карандашемъ огромными буквами: «Сенсаціонная новинка, небывалый до сихъ поръ водевиль „Темно-синій мужъ“»,—по дорожкѣ сада, ведшей къ верандѣ, отъ входа приближался высокій, почтеннаго вида господинъ въ отличномъ пальто и сѣрой мягкой шляпѣ. Лицо его было блѣдно, походка неровна, шляпа надѣта кое-какъ набокъ, пальто разстегнуто... Все это въ соединеніи съ торопливостью, совсѣмъ не соотвѣтствовавшей лѣтамъ и почтенному виду господина, обличало его крайнее волненіе...

Онъ подошелъ въ упоръ къ периламъ веранды, остановился, тяжело дыша, и, прежде чѣмъ заговорить, быстро оглядѣлъ группу стоявшихъ у столика актеровъ.

— Что вамъ угодно? — обратился къ нему антрепренеръ.

— Простите, — заговорилъ господинъ, — но дѣло въ томъ, что у меня со вчерашняго вечера...

— Что со вчерашняго вечера?

— Пропала дочь...

Въ первую минуту всѣ подумали, что они имѣютъ дѣло съ сумасшедшимъ.

— Вы не сочтите меня за рехнувшагося, — продолжалъ господинъ, — хотя въ самомъ дѣлѣ есть отъ чего и съума сойти... Вчера вечеромъ моя дочь...

— Но позвольте,—перебилъ Антонъ Антоновичъ,— если ваша дочь, какъ вы говорите, дѣйствительно... исчезла, — выговорилъ онъ, не найдя другого слова,— то прежде всего это — дѣло полиціи...

— Ахъ, конечно!—воскликнулъ господинъ,—это — дѣло полиціи и она ищетъ...

— Тогда что-же васъ привело къ намъ?

Господинъ развелъ руками и, какъ-бы отрезвленный этимъ вопросомъ, словно опомнился.

— Не знаю, — произнесъ онъ, смутившись, — не знаю, простите. Я потерялъ голову... Но я всюду ищу... Я думалъ, можетъ быть...

— Что можетъ быть?

— Она у васъ?...

— Почему-же вы это думали?

— Не знаю...

— Что-же вы полагали, — возмутился Антонъ Антоновичъ, — что мы — бродячіе цыгане, что-ли, которые воруютъ дѣтей?

Лицо почтеннаго господина болѣзненно сжалось.

— Нѣтъ, ничего я не полагалъ, — снова заговорилъ онъ, — я вовсе не хочу обижать васъ... Я просто потерялъ голову и не знаю, куда кинуться...

— Да позвольте, милостивый государь, — вспомнилъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ то, съ чего ему слѣдовало начать, — съ кѣмъ мы имѣемъ честь?..

Господинъ приподнялъ шляпу.

— Я — Тропининъ, — отрекомендовался онъ, — здѣшній фабрикантъ...

Услышавъ имя Тропинина, антрепренеръ всталъ, обнажилъ голову и даже склонился слегка.

Когда онъ, пріѣхавъ въ городъ, наводилъ, по обычаю всѣхъ антрепренеровъ, справки о томъ, кто тутъ самые богатые люди, ему назвали Тропинина, какъ человѣка, обладающаго состояніемъ не менѣе милльона. Милльонъ даже въ чужихъ рукахъ не только звучалъ пріятно для Антона Антоновича, но и внушалъ ему уваженіе.

— Повѣрьте, — началъ было онъ расшаркиваясь, но не договорилъ, потому что совсѣмъ пьяный Ромуальдъ-Костровскій, шатаясь, подошелъ къ Тропинину и протянулъ руку.

— Сочувствую! — произнесъ онъ, заплетающимся языкомъ.

— Что?—переспросилъ Тропининъ.

— Сочувствую! — повторилъ Ромуальдъ-Костровскій,—это значитъ, что я болѣе сочувствую...

Тропининъ удивленно поглядѣлъ на него, потомъ на его протянутую руку, повернулся и, не сказавъ больше ни слова, направился къ выходу. Дѣлать тутъ ему было больше нечего.

Надежда Ивановна Донская фыркнула. Но никто не раздѣлилъ ея веселости.

Козодавлевъ подошелъ къ Костровскому и дернулъ его за рукавъ.

— Поди, проспись, вѣдь, играть сегодня нужно...

— А ты меня не учи,—огрызнулся на него трагикъ,—ты лучше свою роль учи...

— Вотъ подумаешь, — разсудительно закачалъ головою антрепренеръ,—у этого человѣка ни больше, ни меньше, какъ милльонъ!

И онъ показалъ вслѣдъ Тропинину.

— Вотъ такую рыбку, да на удочку-бы поймать!—подмигнулъ одинъ изъ актеровъ Донской.

Та сейчасъ-же нахмурилась и отвернулась.

— А какой онъ несчастный!.. самъ не въ себѣ совсѣмъ,— сказалъ еще кто-то.

— Еще-бы, дочь пропала!

— Да какъ-же она могла пропасть?...

— Какъ! нынче то и дѣло въ газетахъ подобные случаи...

— Охъ, всяко бываетъ!—вздохнулъ Козодавлевъ-Рощининъ,—чего на свѣтѣ не бываетъ!..

— Однако, чего-жъ онъ къ намъ именно пришелъ?—продолжалъ недоумѣвать Антонъ Антоновичъ.

— Голову потерялъ, слышали... А какой важный и видный, на купца совсѣмъ не похожъ!..

— Сейчасъ видно, человѣкъ просвѣщенный и „комильфо“, что значитъ: „какъ слѣдуетъ“,—рѣшилъ маленькаго роста актеръ на роли простаковъ и лакеевъ, любившій въ обиходѣ употреблять французскія и, вообще, иностранныя словечки, хотя пригонялъ ихъ и не всегда кстати...

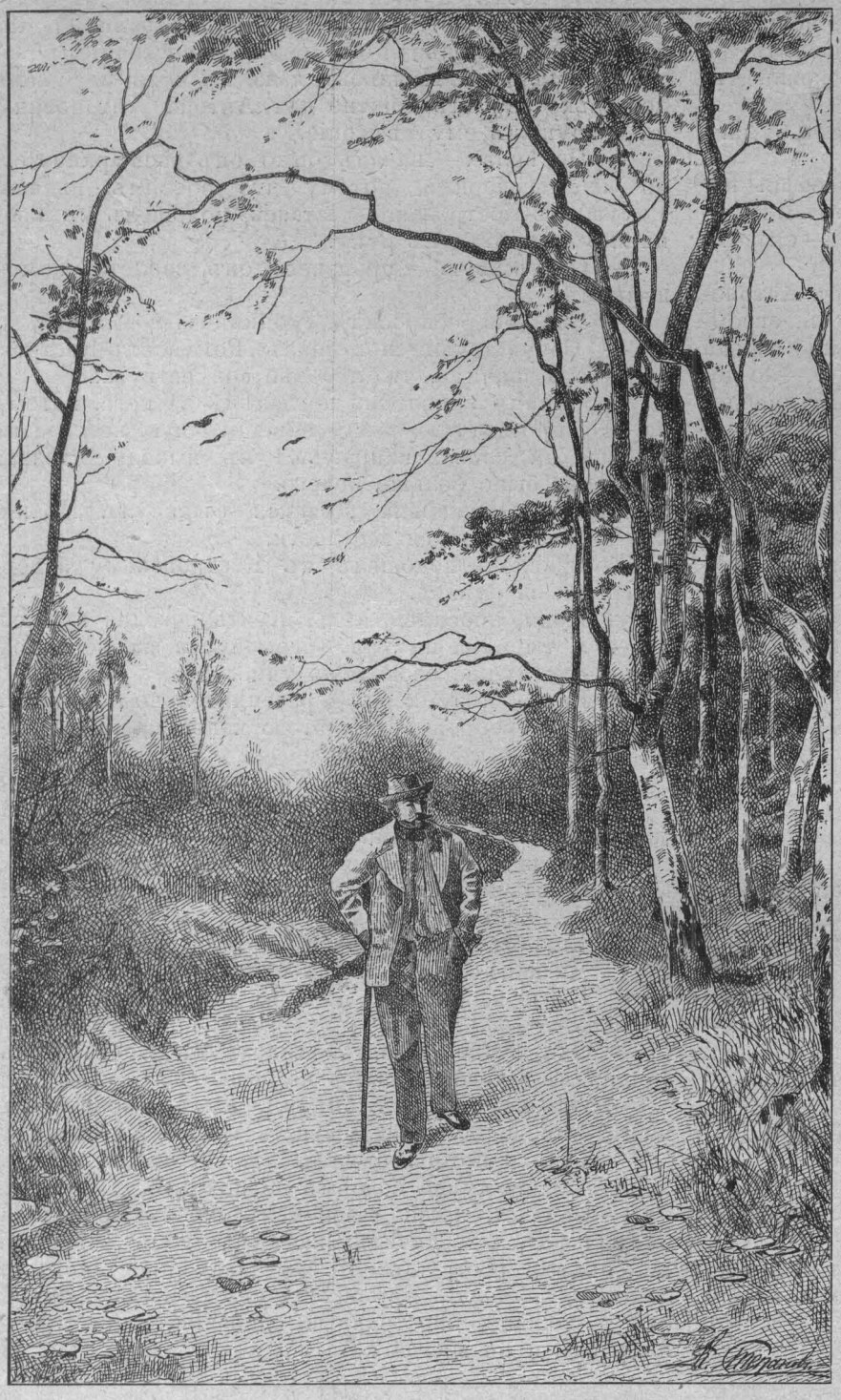
III.

Валеріанъ Дмитріевичъ Тропининъ, обладатель одной изъ обширнѣйшихъ мануфактуръ, поставившій ее на широкую ногу и развившій до такихъ предѣловъ, что состояніе его, дѣйствительно, можно было оцѣнить около милльона, былъ человѣкъ именно „комильфо“ и совсѣмъ не походилъ на тѣхъ прежнихъ купцовъ, которые держались стариннаго правила „не надуешь, не продашь“.

Отецъ его, извѣстный всему торговому міру Дми-

трій Тропининъ, основатель фирмы, ходилъ еще въ длиннополомъ сюртукѣ и въ сапогахъ бутылками и считалъ по пальцамъ, но своего сына онъ отдалъ въ гимназію, а затѣмъ, кончивъ курсъ въ гимназіи, Валеріанъ Дмитріевичъ, по собственному желанію, поступилъ въ университетъ и блестяще сдалъ экзаменъ на кандидата по естественному факультету.

При жизни отца онъ часто ѣздилъ за границу, гдѣ изучалъ свое дѣло, такъ что, когда ему пришлось, похоронивъ родителя, стать во главѣ своего обширнаго предпріятія, онъ явился не только вполнѣ подготовленнымъ, но и знатокомъ, поведшимъ мануфактуру такъ, что доходы его сразу стали рости, увеличиваться и изъ тысячника онъ быстро сдѣлался милліонеромъ.



ТЕПЛАЯ ОСЕНЬ. Оригин. рисун. **Е. Степанова.**

Смерть отца, котораго онъ уважалъ и любилъ, была сопряжена для Валеріана Дмитріевича съ другимъ неожиданнымъ и еще болѣе тяжелымъ, именно вслѣдствіе своей неожиданности, горемъ.

Валеріанъ Дмитріевичъ женился по любви на молодой красивой дѣвушкѣ.

Она была изъ хорошей семьи, образованная, милая... Она осталась сиротой безъ всякихъ средствъ и поступила на службу въ контору Тропининыхъ. Здѣсь увидѣлъ ее Валеріанъ Дмитріевичъ. Они познакомились, узнали другъ друга и полюбили.

Ему было тогда тридцать лѣтъ, ей шелъ двадцать первый. Красивый, статный, образованный, владѣвшій тремя иностранными языками Валеріанъ Дмитріевичъ понравился ей и, чѣмъ больше узнавала она его, тѣмъ больше любила. Старикъ Тропининъ охотно благословилъ этотъ бракъ и счастливые молодые уѣхали за границу въ свадебное путешествіе.

Не думала и не гадала молодая Тропинина, что, вмѣсто нищеты, горя и заботъ о хлѣбѣ насущномъ, которыхъ покорно ждала она отъ судьбы, на ея долю выпадутъ богатство и счастье съ любящимъ и любимымъ мужемъ.

Но это счастье было для нея непродолжительнымъ.

Въ концѣ перваго года ихъ супружества, отецъ Валеріана Дмитріевича отправился по дѣламъ въ Лодзь и оттуда вдругъ пришло извѣстіе о внезапной смертельной его болѣзни. Валеріанъ Дмитріевичъ, разумѣется, собрался сейчасъ-же ѣхать; молодая жена его, несмотря на то, что была въ девятомъ мѣсяцѣ беременна, рѣшила послѣдовать за нимъ. Никакіе уговоры и убѣжденія не подѣйствовали на нее, и она отправилась сопровождать мужа. Но въ дорогѣ она почувствовала первые приступы родовъ. Пришлось остановиться въ маленькомъ польскомъ городкѣ.

Положеніе Валеріана Дмитріевича было безвыходное. Ему нужно было выбирать между умирающимъ отцомъ и женою, которую тоже нельзя было оставить въ ея положеніи одну, въ чужомъ городѣ.

Здѣсь она выказала замѣчательную силу воли и присутствіе духа. Она со страстностью стала убѣждать мужа, что кругомъ виновата предъ нимъ въ этой поѣздкѣ, что ввиду этого должна остаться одна, что роды — вполнѣ естественное дѣло, что она нисколько не боится и что она долженъ ѣхать къ отцу, который умираетъ.

Она, несмотря на приступы начавшихся болей, говорила такъ убѣдительно, что Валеріанъ Дмитріевичъ, наконецъ, согласился. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было оставлять умирающаго отца въ совершенно чужомъ городѣ одного.

Валеріанъ Дмитріевичъ рискнулъ оставить жену, согласно ея просьбамъ, и скоро долженъ былъ раскаяться въ этомъ. Отца онъ уже не засталъ въ живыхъ и, поспѣшивъ къ женѣ, нашелъ ее безъ сознанія, при послѣднемъ издыханіи. Она скончалась, не придя въ себя, у него на рукахъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ его пріѣзда.

Родила она дѣвочку, но Валеріанъ Дмитріевичъ не захотѣлъ даже посмотрѣть на ребенка, послужившаго причиною смерти его любимой жены.

Эти двойныя, одновременныя похороны отца и жены онъ перенесъ какъ-бы въ туманѣ, не сознавая хорошенько, что происходило вокругъ.

За него все дѣлали другіе. Боялись, что онъ не очнется отъ своего оцѣпенѣнія, походившаго на столбнякъ.

Въ себя онъ пришелъ не скоро, мало-по-малу.

Наконецъ, къ жизни его вернуло именно то, что послужило къ его, какъ онъ думалъ, несчастью, т. е., ребенокъ. Онъ вспомнилъ о немъ и пошелъ посмотрѣть на дочь, бывшую до сихъ поръ на попеченіи польки-кормилицы, взятой впопыхахъ въ городѣ, гдѣ скончалась жена Валеріана Дмитріевича.

IV.

Дѣвочка была здоровая, крѣпкая. Она лежала въ обшитомъ кружевами тюфячкѣ, очень нарядномъ.

Все приданое для ребенка было заготовлено стараніями покойной жены Валеріана Дмитріевича, и кормилица нашла это приданое въ отдѣльномъ комодѣ.

Кто-то помѣстилъ ребенка съ его кормилицей въ бывшую спальню. Кто-то распорядился принести туда дорогую атласную люльку. Откуда-то появились тамъ грѣлки, спиртовки, ванная, пеленальный столикъ,—словомъ, все, что было нужно...

Валеріанъ Дмитріевичъ, войдя, не узналъ прежде хорошо знакомой ему комнаты. Онъ все время проводилъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, спалъ тамъ и ѣлъ.

Нагнувшись надъ люлькой, гдѣ лежала закутанная въ тюфячекъ дѣвочка, Валеріанъ Дмитріевичъ сначала не ощутилъ къ ней никакого чувства—ни отталкивающаго, ни нѣжнаго. Онъ понялъ, что боялся до сихъ поръ глядѣть на ребенка именно потому, что думалъ, что возненавидитъ его окончательно, какъ только увидитъ.

Дѣвочка повела большими черными глазами на него, ея личико сморщилось, и она чихнула...

Во всемъ этомъ было что-то жалкое и безпомощное.

„Чѣмъ она, правда, виновата?“—подумалъ Валеріанъ Дмитріевичъ и, вмѣсто ненависти почувствовалъ жалость...

Затѣмъ ему стало стыдно, что онъ такъ долго оставлялъ дочь, свою дочь, единственно теперь близкое ему существо на свѣтѣ, безъ всякихъ заботъ со своей стороны... Онъ даже не спросилъ ни у кого, все-ли у нея есть, что нужно!

Онъ оглядѣлъ еще разъ комнату и долженъ былъ вторично убѣдиться, что, повидимому, все было сдѣлано...

— Кто-жъ это сдѣлалъ все?—спросилъ онъ у кормилицы.

— Что, проше пана?—переспросила она.

— Да вотъ устроилъ тутъ дѣтскую?

Кормилица какъ-будто смутилась.

— Такъ приказалъ панъ докторъ, проше пана,—словно оправдываясь, проговорила она.

— Значитъ, здѣсь есть все, что нужно?

— О, да, все, что нужно, пусть панъ будетъ спокоенъ, проше пана! — съ гордостью объявила кормилица.

Она оказалась удивительной женщиной. Такую

ИДИЛЛІЯ ВЪ ЛѢСУ. Съ картины **П. Вагнера.**

преданность, такую любовь трудно было найти въ чужомъ человѣкѣ.

Валеріану Дмитріевичу подтвердилъ это докторъ, потомъ и самъ онъ увидѣлъ это.

Дѣвочку окрестили и назвали Елизаветой. Крестины были справлены торжественно, хотя многолюдства гостей не было.

Жизнь Валеріана Дмитріевича снова получила

смыслъ. Онъ сознадъ, наконецъ, что долженъ жить и работать для своей дочери. И онъ сталъ жить, работать и увеличивать свое состояніе для нея.

Годы младенчества дочери провелъ онъ, переходя изъ кабинета въ дѣтскую и выѣзжая изъ дома только на фабрику или въ контору.

Юзефа, кормилица, или панна Юзефа, какъ стали звать ее въ домѣ, осталась при маленькой Лизѣ, откормивъ ее, въ няняхъ и ходила за своей питомицей, буквально не доѣдая куска и не досыпая ночей.

Стоило Лизѣ заболѣть, чтобъ она просиживала ночи у ея постельки.

Впрочемъ, болѣла дѣвочка рѣдко. Она оказалась такимъ здоровымъ краснощекимъ крѣпышемъ, что завидно было смотрѣть на нее.

Правда, и уходъ за ней былъ образцовый.

Кромѣ панны Юзефы, у нея было еще двѣ подняни и особая горничная.

Лиза росла, и съ годами сталъ обозначаться ея характеръ — неукротимый, властный, деспотическій, капризный и своевольный.

Было-ли причиной этого то, что съ колыбели она не знала ни въ чемъ себѣ отказа, или отъ природы уродилась она такая,—Валеріанъ Дмитріевичъ распознать не могъ.

(Продолженіе будетъ.)

Въ лѣсу осенью.

Солнышко рѣдко такъ блещетъ,
Листъ пожелтѣвшій трепещетъ,—
Лютая осень близка.
Въ дымкѣ сѣдого тумана,
Словно въ волнахъ океана,
Тонетъ нѣмая рѣка.
Сосны и ели угрюмы:
Мучатъ ихъ тайныя думы,
Жалко имъ лѣта красу.

Въ воздухѣ-жъ, крыльями вѣя,
Носится дивная фея,
Жизнь пробуждая въ лѣсу.
Шепчетъ она сиротинкамъ—
Всѣмъ великанамъ, былинкамъ,
Шепчетъ она о веснѣ.
Шепчетъ, что въ злые морозы
Имъ благодатныя грезы
Счастье даруютъ во снѣ.

Н. Г. Кононовъ.

Измѣнникъ.

Разсказъ **В. Муйжеля**

«Дѣла давно минувшихъ дней»...

ЕСЛИ дядя Игнатій, подъѣхавъ къ нашему дому, медленно сходилъ со своей громоздкой линейки и медленно осматривалъ наше крыльцо въ надеждѣ увидѣть на немъ отца или мать, я знала, что у дяди Игнатія есть важныя новости. Собственно мнѣ, благодаря моимъ восьми годамъ, очень мало было дѣла до того, есть у дяди Игнатія новости или нѣтъ ихъ, интересовалась-же я особенностями вылѣзанія его изъ линейки по слѣдующимъ причинамъ: если дядя Игнатій солидно и медленно лѣзетъ изъ линейки (причемъ всегда путается ногами въ возжахъ), то у дяди есть новости, а разъ у него есть новости, слѣдовательно, онъ былъ въ городѣ, откуда обыкновенно и привозилъ ихъ. Изъ города-же онъ привозилъ и разные мѣшечки и тючки, передававшіеся имъ въ исключительную мою собственность и заключавшіе въ себѣ изумительно вкусные пряники и конфекты. По этому видно, какъ важенъ былъ для меня всякій пріѣздъ дяди Игнатія и съ какимъ вниманіемъ слѣдила я каждый разъ за тѣмъ, какъ онъ вылѣзаетъ изъ линейки.

Въ одинъ изъ очень не прекрасныхъ дней, когда сборникъ французскихъ басенъ Лафонтена, изъ котораго я должна была выучить длиннѣйшую и скучнѣйшую басню, надоѣлъ мнѣ до отвращенія, надоѣли даже его всегда интересовавшіе меня прежде рисунки, я въ окно еще издали увидѣла маленькую пѣгую лошадку дяди Игнатія и его длинную линейку, на которой совершенно терялась фигура дяди, какъ теряется воробей, помѣстившійся на крышѣ.

Я подбѣжала къ окну и стала внимательно слѣдить, какъ дядя подъѣдетъ къ крыльцу и будетъ вылѣзать изъ линейки.

Тетя Леокадія, вязавшая чулокъ у другого окна, выходящаго въ садъ, замѣтила мою стремительность и спросила:

— Что тамъ такое, Люси?

— Дядя Игнатій ѣдетъ, тетя!—успѣла только отвѣтить я и впилась глазами въ окно, такъ какъ въ это время дядина линейка мелькнула между деревьями аллеи.

Дядя Игнатій въѣхалъ во дворъ и, обогнувъ расположенный посрединѣ его цвѣтникъ, медленно подъѣхалъ къ крыльцу. Затѣмъ онъ медленно привязалъ возжи къ передку линейки, медленно слѣзъ съ нея (конечно, запутавшись ногой въ болтавшейся съ передка возжѣ) и солидно, не торопясь поднялся на двѣ ступени крыльца. Потомъ онъ оглянулся, посмотрѣлъ на лошадь, къ которой подошелъ нашъ работникъ Антонъ, и полѣзъ въ задній карманъ своего зеленаго сюртука за табакеркой.

Сомнѣній не было, дядя былъ отягощенъ новостями.

— Дядя былъ въ городѣ!—крикнула я и стрѣлой пустилась внизъ, чуть не сбивъ съ ногъ на лѣстницѣ старую ключницу, которая шла къ тетѣ Леокадіи.—Дядя Игнатій пріѣхалъ!—крикнула я на бѣгу, прыгая по три ступеньки заразъ.

— Тише ты, коза, убьешься!—кричала мнѣ вслѣдъ ключница, но я не слушала и вылетѣла въ сѣни.

— Дядя Игнатій, дядя Игнатій!—вскрикнула я, бросаясь къ нему и вышибая у него изъ рукъ табакерку.

Табакерка съ трескомъ полетѣла на полъ, засыпавъ меня и дядю табакомъ, послѣ чего мы оба усердно стали чихать.

— Я всегда говорилъ, что тебя мало сѣкутъ!—промолвилъ дядя Игнатій, медленно отирая лицо платкомъ, и, поцѣловавъ меня, прошелъ въ гостиную.

Я вприскочку слѣдовала за нимъ.

— Отецъ дома?—спросилъ дядя Игнатій, стоя у дверей гостиной.

— Онъ въ деревнѣ, а мама въ саду,—отвѣчала я, вертясь около него.

Дядя Игнатій не торопясь сѣлъ въ кресло у окна и открылъ табакерку, которую держалъ все время въ рукѣ послѣ казуса въ передней.

— А ты хорошо училась?—спросилъ онъ послѣ хорошей понюшки.

Я начала докладывать о своихъ урокахъ, о новостяхъ въ домѣ, о томъ, что бурая корова заболѣла, а у кошки есть маленькіе котята,—вообще о всѣхъ событіяхъ, произошедшихъ въ три дня отсутствія дяди Игнатія.

— Такъ, такъ,—повторялъ онъ, прихлопывая своими сухими, костлявыми пальцами по черепаховой крышкѣ табакерки.—Такъ, такъ,—продолжалъ онъ уже послѣ того, какъ я кончила свой рапортъ,—ну, теперь иди въ сарай—тамъ въ линейкѣ подъ доской есть кулекъ: это—тебѣ.

Я бросилась къ дядѣ, поцѣловала его сухую, сморщенную руку и сломя голову полетѣла на дворъ, потомъ въ сарай, куда успѣли уже закатить линейку дяди Игнатія.

Когда я вернулась опять въ комнаты, тамъ уже, кромѣ дяди, были отецъ и мать. Отецъ сердито расхаживалъ по гостиной, пуская цѣлыя тучи дыма изъ трубки, которую онъ курилъ. Мать сидѣла на диванѣ и комкала въ рукахъ носовой платокъ. По ея краснымъ глазамъ я догадалась, что она плакала. Кромѣ нихъ, въ углу у столика сидѣла тетя Леокадія и тоже плакала.

Дядя Игнатій сидѣлъ молча и вертѣлъ въ рукахъ табакерку.

— Это — безуміе, — говорилъ отецъ, шагая изъ угла въ уголъ,—я все еще этому не вѣрилъ. Я не повѣрилъ и тогда, когда этотъ сумасшедшій Плавинскій пріѣхалъ ко мнѣ и требовалъ Богъ знаетъ чего! Я не повѣрилъ даже тогда, когда мнѣ прислали эти чертовы ружья и просили ихъ спрятать. Я все еще думалъ: они—не сумасшедшіе, это скоро пройдетъ! Не

можетъ быть, чтобы у нихъ не было разума. Я все еще не вѣрилъ... А теперь... теперь...

Дядя Игнатій ехидно улыбнулся и промолвилъ:

— Дѣти захотѣли попугать!

Отецъ вспыхнулъ.

— Дѣти!—закричалъ онъ,—дѣти! Если дѣти играютъ куклами, имъ даютъ играть. Но, если дѣти играютъ огнемъ, у нихъ отнимаютъ огонь и ихъ наказываютъ. Дѣти! Это—тѣ дѣти, которыя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ разбили себѣ носъ вмѣстѣ съ французами! Это—тѣ дѣти, которыхъ за то-же самое выпороли тридцать лѣтъ тому назадъ! Дѣти!

Онъ зло усмѣхнулся и, пыхтя трубкой, продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ.

Дядя Игнатій потупился.

— Дѣти!—снова повторилъ отецъ,—если-бы они были дѣйствительно дѣти! Такъ нѣтъ,—вдругъ загорячась, почти закричалъ онъ,—нѣтъ, они тащатъ за собою именно дѣтей, нашихъ сыновей! Они не довольствуются тѣмъ, что подставляютъ изъ-за призрака собственныя шальныя головы, нѣтъ, они тащатъ за собою и наши надежды, наше будущее, нашу любовь: нашихъ дѣтей! Все, что мы вложили въ нихъ, не жалѣя ни труда, ни силъ своихъ, не жалѣя себя, подчасъ отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ,—все то, отъ чего ждали мы себѣ утѣшенія въ старости, дѣтей нашихъ, дѣтей они берутъ и... кто знаетъ,—тутъ отецъ какъ-то странно моргнулъ усомъ и сталъ смотрѣть въ сторону,—и кто знаетъ... можетъ быть, и нашъ Станиславъ... тамъ, съ ними!

Дядю Игнатія всего передернуло.

Мать пристально посмотрѣла на него.

— Братъ, знаешь что-нибудь?—спросила она дрожащимъ, полнымъ тревоги голосомъ.

Дядя Игнатій еще ниже потупился. Отецъ посмотрѣлъ на дядю и вплотную подошелъ къ креслу, гдѣ тотъ сидѣлъ.

— Станиславъ тамъ... съ ними?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Дядя Игнатій молча кивнулъ головой. Мать вскрикнула и упала въ обморокъ.

Мнѣ показалось, что тутъ произошло что-то страшное, полное ужаса, чего я еще не знала,—я такъ испугалась, что опрометью бросилась къ себѣ наверхъ и упала на кровать.

* * *

Съ тѣхъ поръ кругомъ меня произошла какая-то перемѣна. Въ чемъ была ея причина, я не смогла себѣ уяснить, но она была, я это ясно чувствовала. Она сказывалась всюду, во всемъ окружающемъ. Отецъ, не любившій прежде никуда выѣзжать теперь пропадалъ цѣлыми днями—пріѣзжалъ, опять уѣзжалъ и пріѣзжалъ снова. Мать ходила по дому изъ комнаты въ комнату и, казалось, чего-то ждала. И вмѣстѣ съ нею все какъ-будто ожидало чего-то.

Пришло лѣто и принесло съ собой зной. Солнце рано-рано вставало, заливало своимъ свѣтомъ землю и поздно, очень поздно уходило оно, будто ожидая все время чего-то, будто ему не хотѣлось уходить, не дождавшись. Гуляя въ полѣ, я видѣла пичужекъ и мнѣ казалось, что онѣ о чемъ-то усиленно хлопотали, перекликались, щебетали и ждали, ждали чего-то. Большія вороны сидѣли на крышѣ гумна и, недовѣрчиво покачивая головами, о чемъ-то совѣщались, потомъ тяжело подымались и летѣли, потомъ опять садились на старую березу у пруда и снова кричали и ждали... Старый «Галасикъ», безпросыпно спавшій прежде цѣлыми днями въ своей будкѣ у конюшни, теперь выбѣгалъ за ворота и однообразно медленно тявкалъ на небо. И онъ перемѣнился, и онъ ждалъ и тревожился чѣмъ-то.

Ложась вечеромъ спать, я видѣла черезъ окно старую рябину—и она теперь что-то хлопотливо шелестѣла, разсказывала вѣтру что-то чрезвычайно таинственное и чудное, и вѣтеръ улеталъ отъ нея на развѣдки, а она молчаливо оставалась ждать. И опять вѣтеръ прилеталъ и разсказывалъ ей что-то, а она опять шелестѣла и изумленно качала вѣтвями, словно шепча про себя: «ай-ай-ай!». И она перемѣнилась.

А ночью, просыпаясь, я видѣла серебряные лучи мѣсяца, заливавшіе всю комнату, бросая пестрые узоры на полъ и на стѣны. Озаренные ими стѣнные часы солидно помахивали своимъ маятникомъ и все время твердили: «си-часъ! си-часъ!». Лучи забирались все дальше и дальше, наконецъ, залѣзали ко мнѣ въ кроватку и мѣсяцъ заглядывалъ въ окно, будто спрашивая: «а что тутъ такое?». И все это было такъ чудно, ново и таинственно...

Разъ ночью, когда мы уже поужинали, я отправилась къ себѣ наверхъ и, раздѣвшись съ помощью тети Леокадіи, заснула.

Вдругъ я проснулась отъ какого-то шума. Внизу по комнатамъ кто-то ходилъ и громко переговаривался. Потомъ все замолкло и шумъ и говоръ послышались на дворѣ. Какія-то лошади отфыркивались тамъ и гремѣли удилами. Потомъ снова шумъ и говоръ въ комнатахъ. Кто-то кричалъ сердитымъ голосомъ, но что—я не могла разобрать.

Я быстро вскочила и, накинувъ одѣяло, какъ мантію, подбѣжала къ кровати тети Леокадіи. Кровать была пуста, тети не было. Я побѣжала внизъ и увидѣла въ столовой свѣтъ. Здѣсь не видно было ни одного человѣка. Говоръ и шумъ слышались изъ кабинета отца. Я подошла къ дверямъ и увидѣла у стола какого-то человѣка съ большими черными усами. Около него стоялъ другой человѣкъ съ бородою и говорилъ что-то. Дальше виднѣлось еще нѣсколько такихъ-же людей, одѣтыхъ одинаково. У стѣны, на которой висѣлъ портретъ матери, стоялъ отецъ, скрестивъ на груди руки.

Человѣкъ у стола, открывая ящики, перерывалъ и пересматривалъ при тусклomъ мерцаньѣ свѣчи бумаги и кидалъ ихъ обратно въ столъ. Другой человѣкъ, съ ружьемъ за плечами, отодвигалъ книжный шкафъ, изъ котораго были выброшены всѣ книги, и заглядывалъ за него.

Потомъ они задвигались и вышли изъ кабинета. Я притаилась за дверью и слѣдила, куда они пойдутъ. Они прошли столовую и направились въ сѣни.

Пробравшись черезъ столовую, я вошла въ гостиную и увидѣла у окна темную тѣнь. Это была мать. Я думала, что она станетъ бранить меня за то, что я не одѣта и хожу ночью по комнатамъ, но она ничего не сказала. Я подошла и стала смотрѣть въ окно. Около каретнаго сарая и конюшни мелькали фонари и двигались тѣ-же люди. И посреди нихъ я видѣла отца въ наскоро накинутомъ бѣломъ пиджакѣ. А около воротъ, у сада, стояли какіе-то всадники съ длинными палками въ рукахъ. Концы этихъ палокъ тускло поблескивали и мерцали подъ луной.

— Мама, кто — это? — шепотомъ спросила я.

— Казаки! — также шепотомъ отвѣчала мать.

— Ка-за-ки, — повторила я и мнѣ стало жутко. — Мама, а зачѣмъ они пріѣхали? — снова спросила я.

Но мать ничего не отвѣтила.

А люди, между тѣмъ, переходили отъ постройки къ постройкѣ и все что-то кричали.

Потомъ они подошли къ тѣмъ, что сидѣли на лошадяхъ, сами тоже сѣли на лошадей и всѣ уѣхали. Отецъ и нѣсколько слугъ долго стояли у воротъ и глядѣли имъ вслѣдъ. Потомъ отецъ повернулся и пошелъ къ дому. Тутъ я, оглянувшись, замѣтила, какой былъ въ комнатѣ безпорядокъ. Трюмо было отодвинуто отъ стѣны, нѣкоторые стулья валялись, диванъ былъ выдвинутъ на средину комнаты и столъ стоялъ у его спинки. Несмотря на лѣто, печь была отворена и около нея была высыпана куча сажи.

— Мама, почему тутъ безпорядокъ? — спросила я.

— Они искали...

— Чего? Мама, чего они искали? — допытывалась я, но въ это время вошелъ отецъ.

— Не нашли! — тихо сказалъ онъ, — все было спрятано въ стогахъ сѣна у озера. Они и не догадались! Однако, все это надо выбросить въ озеро. Чертъ ихъ побери: я дураковъ не выдаю, но и самъ изъ-за глупости погибать не желаю! — закончилъ онъ и вышелъ изъ гостиной.

Въ это время пришла тетя Леокадія и повела меня спать.

— Тетечка, не уходи! милая, останься! — взмолилась я, когда лежала уже въ кровати.

Мнѣ было очень страшно.

— Нѣтъ, дѣтка, я тутъ буду! — отвѣчала тетя и, подойдя къ своей кровати, начала раздѣваться.

— Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ! — шептала она, ложась въ постель.

А часы солидно помахивали маятникомъ и попрежнему твердили: «си-часъ», «си-часъ», «си-часъ».

* * *

Дядя Игнатій пропалъ. Прошло цѣлыхъ три недѣли, а о немъ не было ни слуха, ни духа. Отецъ ѣздилъ въ небольшое имѣніе дяди Игнатія и тамъ ему сказали, что баринъ исчезъ, но не сказали, куда и надолго-ли.

Отецъ вернулся сердитый и озабоченный.

— Если туда уходятъ сумасшедшіе и зеленые юнцы, это я могу еще понять, — говорилъ онъ, сердито попыхивая своей трубкой,—но если туда идутъ люди не глупые, прожившіе много лѣтъ, имѣющіе уже опытъ старости, люди, ни на волосъ не вѣрящіе во все это дѣло, я не могу понять это! Это—какое-то повѣтріе, эпидемія какая-то!

Мнѣ было жаль дяди Игнатія только потому, что онъ переставалъ привозить изъ города новости, а вмѣстѣ съ новостями исчезли и конфекты. Но вскорѣ я утѣшилась и попрежнему беззаботно бѣгала по саду, пока новыя событія не взволновали нашей жизни.

Ночью я опять была разбужена шумомъ внизу.

«Казаки!» — подумала я и опять побѣжала внизъ.

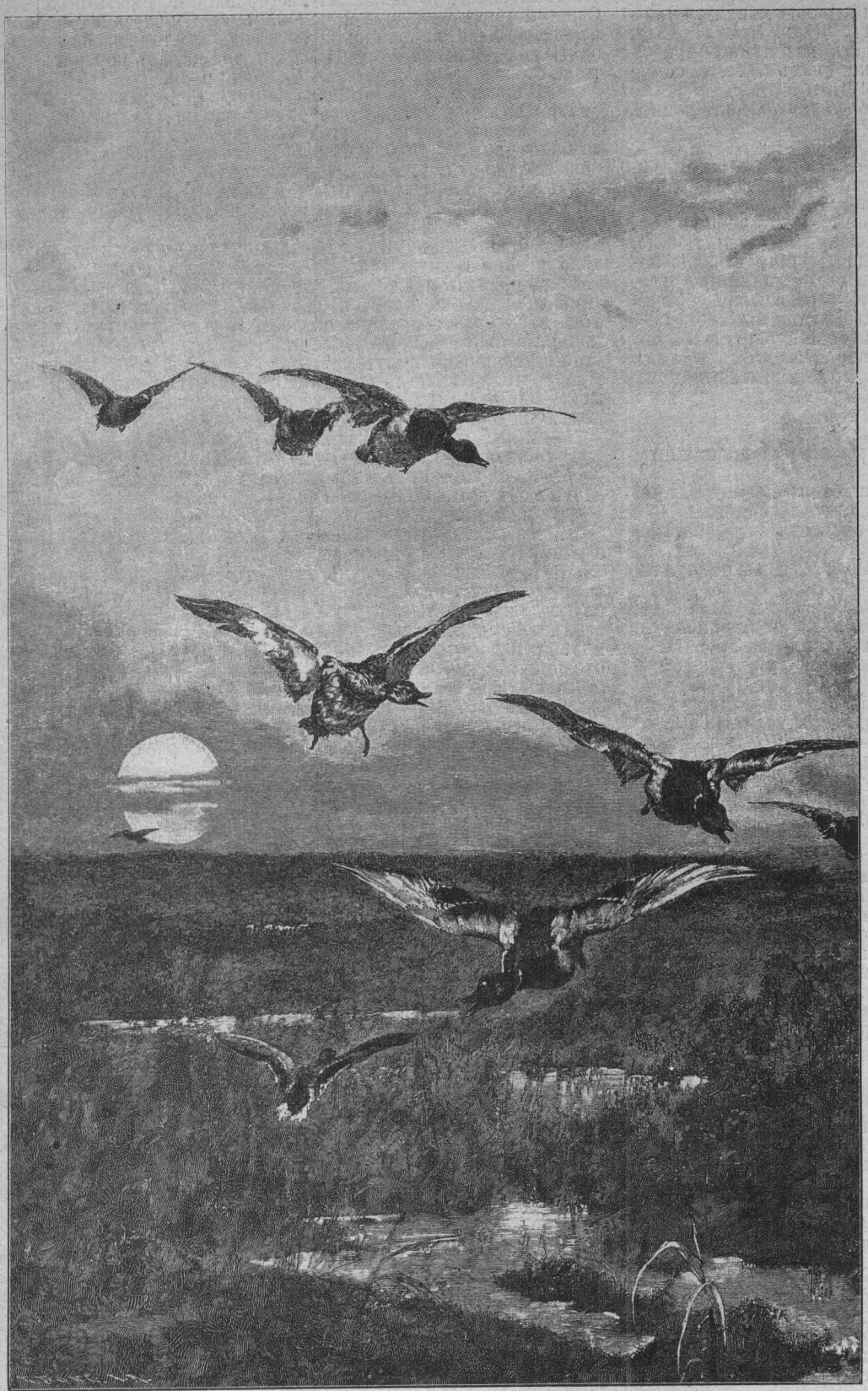
Но это были не казаки. На этотъ разъ въ кабинетѣ было только два человѣка: отецъ и еще господинъ съ большими черными усами.

Господинъ съ черными усами что-то горячо говорилъ и, прислушавшись, я могла разобрать слова,

— Но куда-же, куда они дѣлись? — кричалъ господинъ, размахивая руками.

— Ихъ нѣтъ! — спокойно отвѣчалъ отецъ.

— Но гдѣ-же они? вѣдь, они были присланы вамъ, вамъ довѣрялось хранить ихъ!



УТКИ НА ПОЛЕТѢ. Съ картины **Г. Вастагъ.**

— Они выброшены! Повторяю: я дураковъ не выдаю, но и себя, и семью свою не желаю губить изъ-за призрака.

— Какъ выброшены? куда выброшены? — закипятился усатый господинъ.

— Все выброшено въ озеро... Пріѣзжали казаки — я велѣлъ все выбросить въ озеро.

— Вы струсили! — вдругъ злобно захохоталъ господинъ съ усами, — вы позорно струсили, какъ баба! Когда всѣ идутъ умирать, вы отказываетесь идти! когда отъ васъ хотятъ помощи хотя-бы при передачѣ оружія, вы бросаете это оружіе въ озеро!.. Измѣнникъ! — вдругъ какъ-то прошипѣлъ онъ.

Я видѣла, что отецъ страшно поблѣднѣлъ и поднялся во весь свой могучій ростъ.

— Если вы остаетесь цѣлыми послѣ этого,—заговорилъ онъ сдержаннымъ, дрожащимъ голосомъ, — то это только потому, что вы у меня въ домѣ. Но онъ не выдержалъ и вдругъ бѣшено крикнулъ, указывая на дверь: — вонъ, негодяй!

Усатый господинъ быстро вышелъ, гремя саблей, болтавшейся у его пояса, — а отецъ сѣлъ и закрылъ лицо руками.

— Все, все хотятъ у меня взять, — шепталъ онъ прерывающимся голосомъ, — мало того, что они взяли у меня половину состоянія, мало того, что я подверженъ обыскамъ, какъ послѣдній воръ, наконецъ, сына моего они у меня отняли — моего сына, мою надежду, утѣшеніе, — теперь они хотятъ еще надругаться надо мной! Измѣнникъ, — продолжалъ онъ, — измѣнникъ, чему?..

И онъ вдругъ какъ-то страшно задергалъ плечами и по комнатѣ разнесся страшный, похожій не то на тихій смѣхъ, не то на стонъ, звукъ. Отецъ, этотъ сильный человѣкъ, котораго я всегда видѣла нахмуреннымъ и суровымъ, этотъ человѣкъ желѣзной воли и энергіи, онъ заплакалъ.

Мнѣ стало невыносимо жаль его. Сердце сжалось у меня, — слезы потекли по щекамъ.

— Папа, милый, не плачь! Папа! — закричала я, бросаясь къ нему.

Онъ взялъ меня къ себѣ на колѣна и сталъ гладить своей загорѣвшей рукой мои волосы.

— Дѣтка моя, милая дѣтка!..

* * *

А дяди Игнатія все не было.

Наступила осень и позолотила все. И облака на небѣ стали отливать золотомъ, и поля пожелтѣли; кой-гдѣ уже мелькали золотыя скирды сложенной ржи. А мѣстами еще не сжатая рожь волновалась, какъ море, и волны ея отливали червоннымъ золотомъ. Колосья близко-близко наклонялись другъ къ другу и будто шептали таинственно какія-то неслыханныя вещи. Въ высокомъ небѣ, жалобно курлыкая и перекликаясь, уже потянулись журавли треугольникомъ. На рябинѣ у окна, осыпанной красными, какъ кровь, гроздьями, по утрамъ собирались цѣлыя ватаги скворцовъ и все о чемъ-то хлопотливо щебетали. Потомъ вдругъ они поднимались всѣ сразу и куда-то летѣли. Вечера наступали раньше, ночи стали холоднѣе и длиннѣе.

Бѣгая въ саду у пруда, я ввалилась въ канаву и духъ у меня захватило: вода была холодна, какъ ледъ. И мнѣ казалось, что отъ всего вѣетъ уже холодомъ.

Я ходила цѣлыми днями по двору, забиралась въ огородъ, оттуда въ поле. И тамъ я видѣла, что много крестьянъ и крестьянокъ уже жнутъ рожь. Громадные возы двигались куда-то, а на полѣ оставались толстыя, важныя бабы, сложенныя изъ многихъ снопов.

Въ домѣ у насъ не было того порядка, къ которому мы всѣ привыкли и который дѣлалъ жизнь ровной и уравновѣшанной. Отецъ попрежнему уѣзжалъ изъ дома, мать по цѣлымъ днямъ не выходила изъ своей комнаты. Глаза тети Леокадіи

были заплаканы. Даже старая ключница перемѣнилась и я видѣла, какъ она иногда куда-то спѣшно бѣжала, гремя ключами, потомъ вдругъ останавливалась и, махнувъ рукой, возвращалась назадъ.

Работникъ Антонъ, который былъ, по словамъ отца, глупъ, какъ бревно, тоже держалъ с бя какъ-то странно. Идя въ сарай рубить дрова, онъ воинственно размахивалъ топоромъ и бурчалъ что-то себѣ подъ носъ. Потомъ, дѣлая таинственную физіономію, онъ кому-то подмигивалъ.

Все было какъ-то не такъ, какъ было раньше, во всемъ чувствовались какое-то напряженіе и ожиданіе...

Сидя у себя наверху, я увидѣла однажды простую телѣгу и трехъ человѣкъ въ ней. Я думала, что ѣдутъ мужики, но, приглядѣвшись, замѣтила, что ошиблась.

Когда телѣга подъѣхала къ нашему крыльцу и я сбѣжала внизъ, то увидѣла дядю Игнатія въ его неизмѣнномъ зеленомъ сюртукѣ и черномъ галстухѣ. Рядомъ съ нимъ не сидѣлъ, а какъ-то полулежалъ, поддерживаемый дядей Игнатіемъ, какой-то худой, изможденный человѣкъ, завернутый въ сѣрую свитку. Мужикъ правилъ лошадью.

— Станиславъ! — крикнула вдругъ я, вглядываясь въ лицо лежащаго человѣка.

— Тише, тише, — проговорилъ дядя Игнатій,—отойди!

Онъ вылѣзъ и съ помощью мужика началъ бережно снимать брата съ телѣги.

Въ это время дверь на крыльцѣ съ шумомъ распахнулась и изъ нея выбѣжала мать.

— Сынъ мой, сынъ! — вскрикнула она, бросаясь къ брату.

— Я попросилъ-бы сестру быть поосторожнѣй!—сурово промолвилъ дядя Игнатій, неся вмѣстѣ со сбѣжавшимися слугами брата въ комнаты.

— Что съ нимъ, ради Бога, что съ нимъ?—рыдая, спрашивала мать.

Дядя Игнатій не отвѣчалъ.

Брата внесли въ кабинетъ отца и положили на диванъ. Тетя Леокадія подложила ему подъ голову нѣсколько подушекъ.

Мать стояла на колѣнахъ у дивана и, обнявъ руку брата, съ трепетомъ смотрѣла въ его лицо.

— Что-же съ нимъ? — тревожно спросила тетя.

Дядя Игнатій не торопясь вынулъ табакерку, сдѣлалъ добрую понюшку и, постучавъ пальцами по крышкѣ табакерки, не спѣша отвѣтилъ:

— Раненъ и горячка... Теперь безъ памяти...

Съ тѣхъ поръ я почти не выходила изъ комнаты, гдѣ лежалъ братъ. Пріѣхалъ отецъ и выслалъ меня, но я опять незамѣтно пробралась въ комнату и усѣлась въ темномъ уголкѣ у шкафа.

Братъ бредилъ, метался. Онъ отъ кого-то защищался, кричалъ, махалъ руками. Разъ онъ даже опрокинулъ ночной столикъ со стоявшимъ на немъ графиномъ.

Пріѣзжалъ докторъ, осмотрѣлъ брата и, покачавъ головой, вышелъ. Въ передней я слышала, какъ онъ сказалъ дядѣ Игнатію:

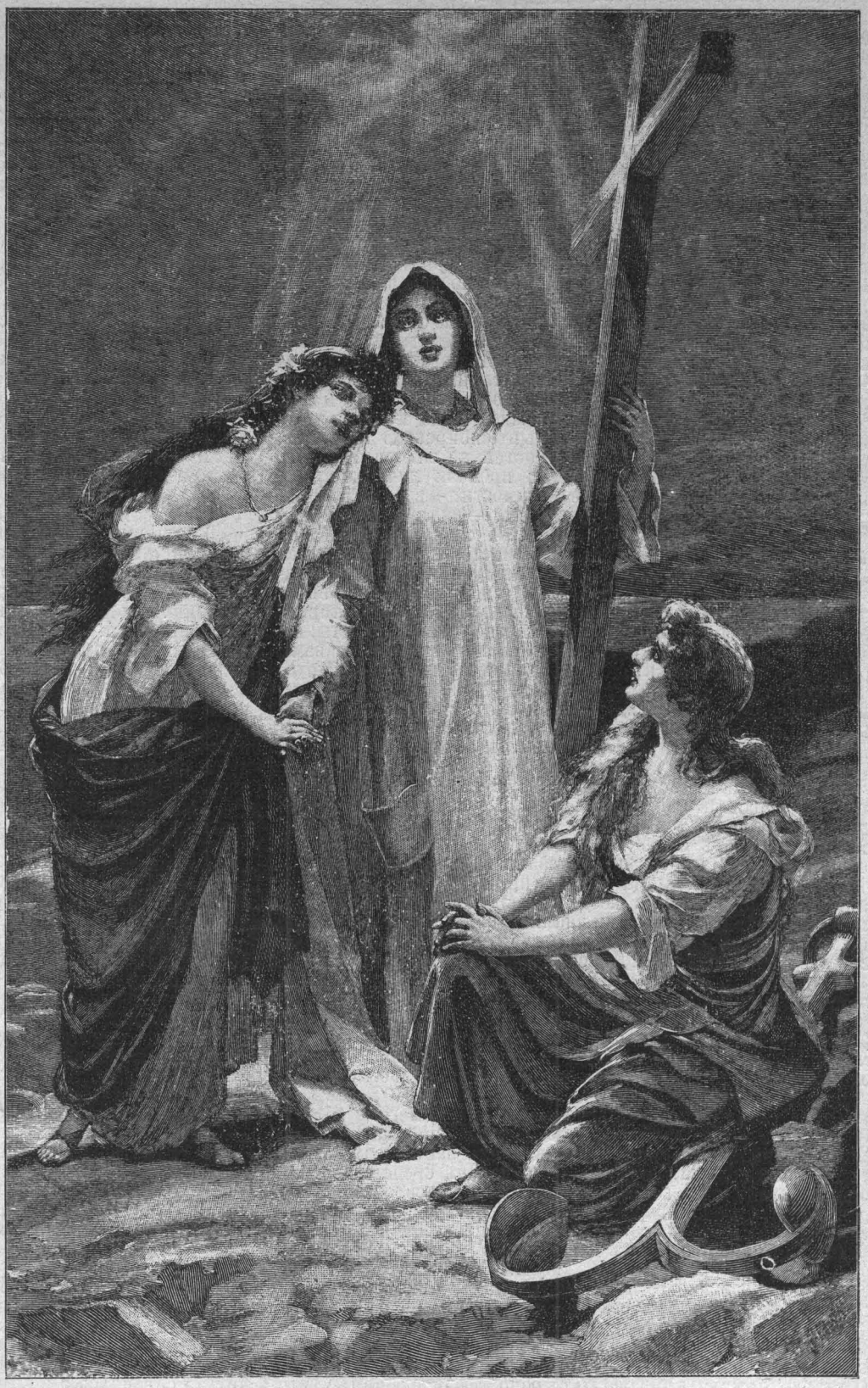
— Дѣло дрянь... совсѣмъ дрянь! Недѣлю, много — полторы! Правое легкое насквозь!

Старикъ понурился и полѣзъ за платкомъ.

Брату было все хуже и хуже. Часто онъ кашлялъ, тогда на губахъ у него выступала кровавая пѣна и онъ начиналъ метаться сильнѣе. Онъ попрежнему бредилъ, часто вскакивалъ и съ лихорадочно блестящими глазами кричалъ, не узнавая отца и матери:

— Пустите! Мнѣ надо туда... меня ждутъ!..

Затѣмъ, обезсилѣвъ, онъ снова падалъ на подушки и кашлялъ кровью.



ЛЮБОВЬ, ВѢРА И НАДЕЖДА. Съ картины **К. Шраммъ.**

На четвертый день братъ пришелъ въ себя.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ у сидѣвшаго около дивана отца.

— Ты дома!—отвѣчалъ тотъ.

Братъ какъ-то странно посмотрѣлъ на отца и повернулся къ стѣнѣ.

— Я въ домѣ у измѣнника!—промолвилъ онъ.

Отецъ дрогнулъ и вскочилъ. Я видѣла, что онъ вдругъ сталъ страшно блѣденъ. Потомъ онъ снова сѣлъ. Потомъ онъ

всталъ и прошелся нѣсколько разъ по кабинету... Наконецъ, онъ остановился въ ногахъ брата, скрестивъ по обыкновенію руки на груди.

Въ комнатѣ водворилось глухое, напряженное молчаніе. Слышно было только, какъ дыханіе съ хрипомъ и свистомъ вырывалось изъ груди брата.

— Измѣнникъ!—глухимъ голосомъ проговорилъ отецъ и провелъ рукою по воротнику рубашки, словно онъ душилъ отца,—измѣнникъ! Безсердечная, эгоистичная молодость!.. Когда человѣкъ трезво смотритъ на вещи, когда онъ не увлекается тѣми химерами, которыми увлекаетесь вы,—его называютъ измѣнникомъ! Когда человѣкъ, наученный старческимъ опытомъ, здравымъ разсудкомъ, холодно и спокойно разсуждающій, человѣкъ, чувствующій всю неправоту дѣла, остается на мѣстѣ и не гонится за призраками, его называютъ измѣнникомъ!.. Чей, кому измѣнникъ?—продолжалъ, постепенно возвышая голосъ, отецъ,—такъ вы-то, вы, не измѣнники?.. Что вы стали дѣлать? Что даетъ вамъ кусокъ хлѣба, что даетъ вамъ возможность жить такъ, какъ вы хотите? не странствовать безъ крова и пріюта по Франціи и Америкѣ? Что учитъ васъ въ университетахъ, что даетъ вамъ по окончаніи мѣста, деньги, средства къ жизни? Опомнитесь! Чего хотите вы? Свободы? Независимости? Такъ развѣ вамъ мало свободы теперь? Вы дѣлаете, что хотите, вы живете, гдѣ хотите! Вотъ тамъ, смотри,—отецъ указалъ вытянутой рукой въ окно, изъ котораго виденъ былъ вдали старый могильникъ нашъ,—тамъ лежатъ кости прадѣда, дѣда и отца моего, тамъ лягу и я! Я хочу здѣсь жить, потому что тутъ жили дѣды мои, и я живу здѣсь! Что-же хотите вы? Чтобъ жить въ сибирскихъ тундрахъ, чтобъ умереть тамъ, куда воронъ костей не заносилъ, вдали отъ мѣста, гдѣ вы родились и гдѣ провели лучшее время жизни — дѣтство?.. Свободы, независимости? — вдругъ вскрикнулъ отецъ задыхающимся голосомъ, — да сумѣете-ли вы, несчастные, слабые люди, справиться со своей свободой? Люди безъ сердца, безъ совѣсти! Да знаете-ли вы, сколькихъ вы сдѣлали несчастными своимъ поступкомъ? Сколько сиротъ, вдовъ и матерей, плачущихъ теперь по вашей винѣ, плачущихъ кровавыми слезами! Что было-бы съ твоей матерью, съ моей, если-бы я пошелъ съ вами? Безсердечные эгоисты! Въ васъ нѣтъ даже простой благодарности къ тому, кто далъ вамъ право жить такъ, какъ кто хочетъ! Развѣ въ Австріи, въ Пруссіи таково положеніе поляковъ, какъ здѣсь? Вамъ дано все: вы живете, гдѣ хотите, вамъ данъ вашъ языкъ, а вы идете съ оружіемъ въ рукахъ на тѣхъ, кто далъ вамъ это!

Отецъ замолчалъ и въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ.

Братъ повернулся и сѣлъ, опираясь на подушки.

— Измѣнникъ,—повторилъ снова отецъ,—измѣнникъ потому, что я честнѣе смотрю на вещи... Я говорилъ вездѣ то-же, что говорю теперь! У Войнарта на собраніи такихъ, какъ я, изъ полуторасотъ было шестьдесятъ человѣкъ. И всѣ мы говорили то-же! Насъ тогда не назвали измѣнниками. Я говорилъ то-же и тогда, когда ко мнѣ пріѣхалъ этотъ бѣшеный Плавинскій. Я говорилъ вездѣ и всюду, я увѣщевалъ, просилъ. Меня не слушали. Они знали, что я не донесу на нихъ, и думали, что я хоть издали помогу имъ... Дѣйствительно, я не донесу на нихъ, но и потворствовать имъ не стану. Когда ко мнѣ прислали эти чертовы ружья, я потопилъ ихъ... И за это я—измѣнникъ!.. Если я далъ половину своего состоянія на это дѣло, то только потому, что ко мнѣ примчался Ромеръ и, приставивъ пистолетъ ко лбу, требовалъ помощи. Если-бы я былъ одинокъ, я не помогъ-бы и умеръ-бы отъ пули бѣшенаго человѣка, но я не могъ бросить на произволъ судьбы семью и выдержалъ оскорбленіе.

Отецъ остановился у дивана и сѣлъ подлѣ него.

— Скажи-же теперь, скажи по совѣсти, положа руку на сердце,—снова заговорилъ онъ,—кто изъ насъ правъ: я-ли, не желающій подымать руку на давшаго мнѣ средства жизни, или вы, идущіе на него съ оружіемъ въ рукахъ? Скажи, кто правъ: я-ли, щадящій жизнь твоей больной матери и малолѣтней сестры, или ты, бросившій ихъ и пошедшій туда?

Онъ остановился. Братъ молчалъ.

— А я-то думалъ,—снова зазвучалъ голосъ отца,—что ты кончишь университетъ, пріѣдешь къ намъ, займешься хозяйствомъ — вѣдь, я старъ уже, я слабъ,—будешь жить около насъ, стариковъ, женишься, обзаведешься семьей и мы со старухой будемъ любоваться на внуковъ и будемъ счастливы, безконечно счастливы... И все будетъ мирно и тихо и будемъ мы, старые, доживать дни свои и съ радостью освободимъ мѣсто вамъ, молодымъ... И вдругъ я слышу отъ тебя, тебя, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ, страшное слово: «измѣнникъ!». Скажи-же, Стась, ты не подумалъ, ты сказалъ такъ сгоряча?

Отецъ съ надеждой и страхомъ смотрѣлъ въ лицо брата и на глазахъ его дрожали слезы.

Мнѣ показалось, что между отцомъ и братомъ происходитъ какая-то страшная борьба. Я видѣла, что и тому, и другому было очень тяжело. Никогда я не видѣла отца такимъ: онъ какъ-то весь вытянулся и тревожно, боязливо смотрѣлъ на брата. А братъ лежалъ, откинувшись на подушкахъ, и тяжело дышалъ. Лицо его странно передергивалось. Изрѣдка онъ откашливался и подносилъ платокъ къ губамъ, и каждый разъ на платкѣ оставалось красное пятно.

Въ комнатѣ было тихо, какъ въ могилѣ. Слышно было, какъ большая муха билась въ окно и жужжала.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Часы пробили шесть ударовъ и эхо гулко разнеслось по комнатамъ. Гдѣ-то далеко хлопнула дверь и послышался голосъ ключницы, кричавшей кому-то:

— Въ погребъ, въ погребъ снеси-и-и!

Потомъ опять хлопнула дверь и все смолкло.

А въ комнатѣ было все попрежнему тихо. И братъ, и отецъ молчали. Вдругъ братъ зашевелился. Я впилась глазами въ него.

«Вотъ, вотъ, сейчасъ»... — мелькнуло у меня въ головѣ.

Братъ зашевелился сильнѣе и съ трудомъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Онъ попрежнему молчалъ, только въ горлѣ у него что-то хрипѣло.

Я взглянула на отца и почти не узнала его. Въ креслѣ у дивана сидѣлъ какой-то сгорбленный, дряхлый старикъ. Руки безпомощно лежали у него на колѣнахъ, голова была опущена на грудь. Глаза тускло и безжизненно смотрѣли въ полъ, по щекѣ медленно бѣжала, прячась въ морщинахъ, слезинка. Вѣтерокъ, залетавшій въ комнату черезъ открытую форточку, игралъ сѣдыми волосами отца, подбрасывалъ ихъ кверху, потомъ разсыпалъ по лбу.

И тихо, мертвенно тихо было въ комнатѣ. Только часы рѣзко и отчетливо выговаривали: «у-же, у-же, у-же»...

* * *

Братъ умиралъ. Я, собственно, хорошо еще не знала, что значитъ «умирать», и никогда еще не видѣла мертвыхъ, но почему-то на душѣ у меня было страшно тоскливо.

И во всемъ домѣ царило то-же тоскливое, печальное настроеніе. Вечеромъ, когда уже стемнѣло, изъ города пріѣхалъ священникъ съ мальчикомъ.

Мальчикъ прошелъ впереди его и звонилъ въ маленькій колокольчикъ, звуки котораго странно разносились по пустымъ комнатамъ. За мальчикомъ шелъ священникъ и что-то бережно несъ въ рукахъ. Такъ, сопровождаемые звуками колокольчика, они прошли черезъ всѣ комнаты и скрылись за дверью кабинета.

Я сидѣла въ столовой съ дядей Игнатіемъ. На столѣ горѣла свѣча и озаряла комнату тусклымъ, трепещущимъ свѣтомъ.

Тѣни бродили по потолку, сгущались, потомъ, будто испугавшись чего-то, разбѣгались, прятались за буфетъ, убѣгали подъ диванъ. Потомъ онѣ снова выглядывали оттуда, опять прятались, потомъ осмѣливались, выбѣгали и прыгали въ своей странной молчаливой игрѣ по потолку, по столамъ, по буфету. Я слѣдила за ихъ дикой игрой и находила, что теперь такъ и должно быть. Въ комнатѣ было тихо.

Свѣча слегка потрескивала, изъ кабинета доносился глухой голосъ священника да изрѣдка отрывочныя фразы отвѣчавшаго ему мальчика.

Дядя Игнатій сидѣлъ молча. Губы его были плотно сжаты, лобъ наморщенъ. Время отъ времени онъ доставалъ свою табакерку, сердитымъ движеніемъ открывалъ ее и дѣлалъ большую, свирѣпую понюшку.

— Дядя Игнатій, что значитъ умирать?—спросила я его,—это — что-нибудь страшное?

Дядя Игнатій ничего не отвѣтилъ мнѣ, только губы его сжались еще плотнѣе. Я не повторила своего вопроса, а стала снова слѣдить за тѣнями, которыя попрежнему то сбѣгались, то разбѣгались на потолкѣ.

Наконецъ, голоса въ комнатѣ, гдѣ лежалъ братъ, прекратились и послышались чьи-то нетвердые шаги. Въ комнату вошла мама и, закрывъ лицо руками, сѣла на диванъ.

— Умеръ... умеръ... — прошептала она,—да будетъ воля Твоя!..

Дядя Игнатій опустилъ голову.

Я встала и неслышно прошла въ комнату брата, откуда выходили священникъ съ мальчикомъ.

Братъ лежалъ на спинѣ, какъ-то странно наклонивъ голову на правое плечо. Одна рука его покоилась на груди, другая свѣсилась и почти доставала пола. Около него стоялъ на колѣнахъ отецъ и молился. Я подошла къ нему и стала на колѣна. Отецъ наклонился и, рыдая, припалъ къ рукѣ брата, потомъ всталъ и, сжавъ голову руками, сѣлъ въ кресло. Я подползла на колѣнахъ къ дивану и, тоже наклонясь, прикоснулась губами къ холодной, мертвой рукѣ того, что было мнѣ братомъ.

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

ТО извѣстіе поразило Натарову.

Иванъ Петровичъ удивился выраженію ея лица.

— Ты не рада?—безпокойно спросилъ онъ.—Ты не одобряешь моего поступка?

Она глубоко задумалась и молчала.

— Юля, что съ тобою?—послѣ долгой паузы безпокойно спросилъ Иванъ Петровичъ.

Натарова вздрогнула, подняла голову и грустными глазами взглянула на него.

— Я не одобряю этого шага,—рѣшительно и раздѣльно проговорила она.

Иванъ Петровичъ смутился.

— Нѣтъ?—спросилъ онъ.—Почему-же?

— По многимъ причинамъ,—отвѣтила она, смотря на него задумчивыми, грустными и ясными глазами.—Во-первыхъ, милый, я не люблю, когда мнѣ приносятъ жертвы. Постой... Вѣдь, это—жертва съ твоей стороны бросить службу, которая тебѣ давала средства къ жизни и положеніе въ обществѣ. Во-вторыхъ, я не люблю, когда люди поступаютъ опрометчиво и ломаютъ свою жизнь. Ради чего?

— Какъ ради чего?—вскрикнулъ онъ.

— Ради любви?—спросила его Натарова.—Но въ жизни, кромѣ женщинъ и любви, есть еще многое цѣнное. Надо чувствовать себя работникомъ въ жизни, дѣлать близкое себѣ дѣло, быть съ этой стороны удовлетвореннымъ и потомъ уже думать о любви.

— Юля!—горестно сказалъ онъ и голосъ его упалъ и сталъ звучать глухо.—Что ты говоришь?! Ты говоришь такъ, какъ-будто не любишь меня, никогда не любила. Если такъ...

— Постой,—нетерпѣливо перебила она его.—Это—все не то. Я тебя люблю, ты это знаешь. Если-бы я не любила тебя, я не допустила-бы такой близости между нами. Нужно имѣть много мужества и убѣжденія въ своей любви, чтобы поставить себя такъ независимо въ нашемъ глухомъ углу и, вопреки существующимъ предразсудкамъ, принимать тебя у себя... Ты знаешь, здѣсь косо на это смотрятъ. Нѣтъ, милый, съ этой стороны не сомнѣвайся. Я тебя люблю. Я не говорю, что люблю такъ, чтобы могла пожертвовать для тебя, напримѣръ, своимъ независимымъ положеніемъ, своимъ дѣломъ, дающимъ мнѣ самостоятельность. Но это оттого, что я, вообще, не умѣю такъ любить и не понимаю такой страсти. Любовь—не все въ жизни и даже не главное. То есть, такая вотъ, личная, узкая любовь мужчины къ женщинѣ или наоборотъ. Любовь, по-моему,—украшеніе жизни, роскошь ея. И на то, чтобы любить, надо завоевать право. Но я тебя люблю. Люблю, какъ умѣю, и лучше не умѣю. Ты мнѣ дорогъ и близокъ. Безъ тебя мнѣ было-бы уныло жить. Ты—украшеніе моей жизни и я очень цѣню твои чувства...

— Но тогда... я не понимаю, въ чемъ ты упрекаешь меня?

— Я не упрекаю. Я только говорю, что ты сдѣлалъ необдуманный шагъ. Ты ушелъ со службы... но сейчасъ вмѣсто этой службы есть у тебя что-нибудь другое?

Онъ смутился.

— Пока нѣтъ. Но мнѣ обѣщали. Я непремѣнно найду себѣ дѣло и мѣсто.

— Ну вотъ, видишь. Я про это и говорю. Ты—прежде всего мужчина и у тебя есть свои традиціонные предразсудки. Можешь ты сейчасъ-же жениться на мнѣ, поселиться со мной въ этой квартирѣ и жить, спокойно до пріисканія занятія?

Иванъ Петровичъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ,—рѣзко сказалъ онъ.—Объ этомъ не проси и объ этомъ не можетъ быть рѣчи.

— Почему?

— Потому что я не могу жить на твои средства, быть какимъ-то паразитомъ. Я прежде долженъ устроиться съ матеріальной стороны, а потомъ уже думать о бракѣ.

— Ну вотъ, видишь. Имѣя въ виду эту точку зрѣнія—твою точку зрѣнія,—я и говорю, что ты поступилъ опрометчиво. А представь, что ты не получишь мѣста, которое тебѣ обѣщали, тогда что? Такъ поступить, какъ поступилъ ты, можетъ только человѣкъ сильный, лишенный предразсудковъ. Извини, милый, ты—съ этой стороны, далеко не сильный человѣкъ и находишься во власти предразсудковъ, давно укоренившихся въ обществѣ. Вы всѣ, мужчины, говорите о равноправности женщинъ, о томъ, что между мужчинами и женщинами не должно быть никакихъ разногласій въ соціальномъ смыслѣ. Вы открыли намъ пути и двери почти во всѣ мѣста, профессіи и должности, составлявшія привилегію мужчинъ. Но какое-же это равноправіе, когда вы кидаетесь подымать оброненный женщиной платокъ, уступаете ей свой стулъ при ея входѣ? Даже въ этихъ мелочахъ вы непослѣдовательны. Вѣдь, если мужчина-бухгалтеръ уронитъ платокъ, вы не кинетесь подымать его? Но, если женщина-бухгалтеръ уронитъ платокъ, вы непремѣнно его подымете. Если мужчина-массажистъ, хорошо зарабатывающій, женится на дѣвушкѣ безъ средствъ—это ничего, это нормально. Но, если массажистка выйдетъ замужъ за мужчину безъ всякихъ средствъ къ жизни, это ненормально и дико! Почему? Ужъ если равноправіе—такъ во всемъ! Сильный человѣкъ могъ-бы бросить такой вызовъ обществу, а ты, Ваня... прости меня... ты этого не сдѣлаешь.

— Но мнѣ и не надо это дѣлать. Я, говорю тебѣ, получу мѣсто; мнѣ обѣщалъ...

— Кто?

— Матвѣй Семеновичъ... Ну, мѣсто небольшое, какое-нибудь, на первое время, но, вѣдь, ты знаешь, и потребности мои ограничены. Мнѣ немного нужно и лично на меня хватитъ небольшихъ денегъ.

Натарова ничего не отвѣтила и грустно задумалась.

— Какая ты странная!—продолжалъ онъ.—Я былъ такъ радъ, такъ счастливъ, что давнишняя мечта моей жизни близка къ осуществленію, а ты отравляешь мнѣ первыя-же минуты этой радости. Зачѣмъ сейчасъ-же предполагать все мрачное?

Она покачала головой.

— Милый,—сказала она, взявъ его за руку и притянувъ къ себѣ.—Ты знаешь и вѣрь мнѣ, что я тебя люблю. И я благодарна тебѣ за твою самоотверженную любовь. Я хочу быть счастливой и тебя сдѣлаю счастливымъ. У меня все есть въ жизни, что надо, и недостаетъ только любви. Будемъ-же счастливы!

Онъ крѣпко обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

Но они тотчасъ-же разошлись по угламъ комнаты, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги.

— Это—мама!—тихо сказала Натарова и наморщилась.

На лицо Ивана Петровича тоже набѣжала тѣнь.

Въ комнату вошла полногрудая дама съ рѣзкими чертами лица и съ толстыми, оттопыренными губами.

Глаза, волосы и брови ея были черные, а лицо—бѣлое, даже черезчуръ бѣлое, при болѣе внимательномъ наблюденіи, выдававшее слѣды пудры. Она была одѣта въ очень скромное, но изящно сшитое по послѣдней модѣ платье. На шеѣ ея висѣла толстая цѣпь, оканчивавшаяся на ея полномъ животѣ цѣлымъ пучкомъ брелоковъ, зеркальцемъ, флакономъ и прочими бездѣлками въ золотой оправѣ. Руки ея были въ браслетахъ, а пальцы—въ кольцахъ.

— Я—на огонекъ!—сказала она, цѣлуя Натарову.—Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный! пріютъ любви и нѣги томной!.. Здравствуйте и вы!—протянувъ руку Ивану Петровичу, нараспѣвъ проговорила она.—Что вы тутъ дѣлаете вдвоемъ съ моей дочерью?.. Романы разыгрываете? Ну, ничего, ничего, я—покладистая мать. Чая дашь?—спросила она Натарову.

— Сейчасъ.

Натарова налила ей чашку чая.

— Откуда ты?—холоднымъ тономъ спросила она мать.

— Откуда можетъ ѣхать мѣстный Дусé, сбластной Пакэнъ *)? Отъ кліентокъ. Поздравь! Наконецъ, сама ея превосходительство губернаторша послала за мной. У нихъ скоро балъ. Ломалась, ломалась, будто-бы все шьетъ въ Парижѣ у Пакэнъ—вотъ вздоръ какой!—а кончилось все-же г-жей Никольской. Заказала бальное платье изъ свѣтло-сѣраго вуаля и городское — темное электрикъ съ темно-зелеными лентами. Это будетъ очень красиво.

— Дорого взяла?—чтобы что-нибудь сказать, спросила Натарова.

— Натурально. Ободрала. Кого-же и ободрать, какъ не нашъ бомондъ? Что это вы такими сычами сидите? Какъ у васъ скушно! Поссорились?

— Ничуть,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Какая странная молодежь! — продолжала трещать Никольская,—сидятъ и хмурятся. А, вѣдь, влюблены другъ въ друга. Въ наше время все цѣловались. Скажетъ слово она — и чмокъ! Скажетъ слово онъ — и чмокъ! Веселѣе было. А вы ровно задачу геометрическую вмѣстѣ рѣшаете. Нудно.

Ея свободная, ухарская рѣчь рѣзала по нервамъ Натарову.

— Что у васъ такое? — продолжала портниха. — Что-то есть, это чувствуется въ воздухѣ... Жениться вы собираетесь, что-ли?

— Именно, - сказалъ Иванъ Петровичъ и нехотя улыбнулся.

— На комъ?—живо заинтересовалась Никольская.

Онъ указалъ глазами на Натарову.

— Абизательно! Я такъ и думала. Глупо.

— Какъ глупо?! — спросилъ Иванъ Петровичъ, удивившись.

— По-моему, вообще это устарѣло — жениться. Свобода, дѣти мои, свобода во всемъ—это прежде всего... По-моему, вообще, все глупо на свѣтѣ. Вотъ мой полковникъ, отецъ Юли, — пояснила она, — тоже все собирался на мнѣ жениться. И не женился только потому, что умеръ. А что мнѣ хуже отъ этого? Да ничуть. Денегъ много и живу весело. И...

Натарова рѣзко перебила ее.

— Мама!— укоризненно сказала она.—Ты забыла обо мнѣ.

— А что-жъ о тебѣ? Ты сама не хотѣла жить со мной и пользоваться моими средствами. Я никому не навязываюсь. Не хотѣла—не надо. Можетъ быть, ты и права, ты сама теперь обезпеченная и самостоятельная особа. Это у тебя отъ меня. Ахъ, а что касается метрики... ну, вздоръ какой! Никто на это нынче вниманія не обращаетъ. Да я ничего не говорю! Женитесь, дѣти мои, и будьте счастливы, а я—не виновата. Вы приглашены на балъ къ губернатору?—обратилась она къ Ивану Петровичу.

— Какъ-же!

— Ну, такъ обратите вниманіе на туалеты губернаторши и Елены Ѳедоровны. Вы мнѣ потомъ скажете?

— Я врядъ-ли пойду.

— И напрасно! Совсѣмъ напрасно! Мужчина долженъ бывать вездѣ и всюду... Когда-же ваша свадьба? Меня позовете?

— Не знаю, — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. — Свадьба, можетъ быть, не скоро, какъ только найду мѣсто.

— Какъ мѣсто? — вскрикнула она. — Вы-же служите?

— Я подалъ въ отставку.

— Вотъ вздоръ какой!

— Право.

— Ну, ужъ это, извините... совсѣмъ неостроумно... Зачѣмъ?

— Ахъ, мама, да перестань, право!

Толстуха закусила себѣ языкъ.

— А-а! — протянула она. — Понимаю... Не разрѣшаютъ брака? Ну, я, на вашемъ мѣстѣ, все-таки не вышла-бы въ отставку. Да и что вы въ ней такого нашли? — засмѣялась она густымъ, жирнымъ смѣхомъ.—Вовсе ужъ она—не такая красавица, чтобы голову терять, и потомъ—массажистка. Офицеръ долженъ влюбляться въ аристократку или въ актрису. А то—массажистка... это даже неслыхано. Вотъ женились-бы на племянницѣ Обровскаго, златокудрой Нинѣ—онъ богатъ, какъ чертъ!—и стали-бы у меня женѣ заказывать элегантныя платья. А то я кліентки лишаюсь. Юлѣ не сошьешь элегантнаго платья — у нея вкусы скромные,—а сошьешь, такъ содрать кушъ неловко... все-таки дочка...

Она кончила пить чай и поставила чашку на столъ. И Натарова, и Иванъ Петровичъ молчали.

На Натарову ея мать всегда производила угнетающее впечатлѣніе, и давно-давно уже между ними установились холодныя отношенія, какъ между совершенно чужими, посторонними людьми. Въ дѣтствѣ Натарова вынесла много тяжелыхъ минутъ въ домѣ матери, у которой одинъ романъ смѣнялся другимъ и которая не обращала никакого вниманія на свою дочь. Это была женщина, до цинизма увлекавшаяся невысокопробными радостями жизни и совершенно не признававшая никакихъ обязанностей.

— Фу, какъ у васъ скушно!—протянула Никольская и встала.—Поѣду-ка, загляну въ театръ. Что идетъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— То есть, прямо удивительная молодежь! Ничто-то ея не интересуетъ! Приходите-ка ужинать въ клубъ? Потолкуемъ.

И, не дожидаясь отвѣта, она вышла, на-ходу крича Катю.

Натарова сидѣла въ креслѣ, низко опустивъ голову и крѣпко сжавъ свои большіе пальцы.

Ей было не по-себѣ. Ей всегда было не по-себѣ, когда она видѣлась съ матерью. Мать дѣйствовала ей прямо на нервы. Она не переносила ни ея тона, ни ея взглядовъ на жизнь, вѣрнѣе—отсутствія всякихъ взглядовъ.

И какое-то безотчетно тоскливое чувство овладѣ-

*) Дусé и Пакэнъ — лучшіе парижскіе портные.

вало ею всегда послѣ этихъ нелѣпыхъ свиданій и набѣговъ, невѣдомо для чего совершаемыхъ.

Иванъ Петровичъ подсѣлъ ближе къ Натаровой.

— Что ты, Юля, милая?—спросилъ онъ, поглаживъ ея красивые волосы.

— Ахъ, — сказала она, — ты знаешь, какъ я не люблю маменькиныхъ посѣщеній. Мнѣ дѣлается не по-себѣ отъ ея разговоровъ.

— Ну... вотъ пустяки...

— Изъ всего, что она тутъ наболтала, одно вѣрно: офицерамъ не слѣдуетъ жениться на массажисткахъ.

— Юля!

— Нѣтъ, милый, это вѣрно. Подумай самъ: происхожденіе мое — неважное; профессія — тоже; родство... ты видишь, какая у тебя будетъ теща. Вѣдь, какъ ни держись въ сторонѣ, а не избѣжишь столкновеній. И притомъ она стѣсняться не любитъ. Уѣхать жить въ другой городъ я не могу. Здѣсь ужъ у меня все налажено, кліентура... всѣ меня знаютъ... и здѣсь я пока одна. Въ другомъ городѣ трудно будетъ все начинать сызнова. Я не могу уѣхать. И всегда здѣсь будутъ говорить: „Кедринскій, сынъ генерала, женился на незаконной дочери портнихи, „невозможной“ Никольской“. Ахъ, милый, пойми, я не о себѣ говорю, а о тебѣ. Каково тебѣ будетъ!

— Да перестань-же, ради Бога, Юля...

Но она, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, что дѣлала всегда, когда на ея мирную жизнь обрушивалось нѣчто неожиданное, что требовало особеннаго обсужденія, продолжала:

— И еще она права: тебѣ слѣдовалобы жениться на „златокудрой Нинѣ“. Да, да! Не споръ. Она—завидная невѣста и хорошенькая. Ты до сихъ поръ считался здѣсь завиднымъ женихомъ... Но теперь ужъ поздно. Зачѣмъ ты сказалъ мамѣ о нашемъ бракѣ? Завтра... что я говорю—завтра!.. сегодня объ этомъ будутъ знать въ клубѣ, а завтра во всемъ городѣ. Она и поѣхала въ театръ и клубъ со спеціальной цѣлью раззвонить обо всемъ. Ея хлѣбомъ не корми, но, когда въ городѣ нѣтъ какой-нибудь такой сенсаціи, она умираетъ отъ тоски.

Иванъ Петровичъ всталъ.

— Юля, милая! Юля, родная! Скажи мнѣ одно!

— Что?

— Любишь ты меня?

— Люблю.

— Правда?

— Клянусь тебѣ, милый.

Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ ея голову къ своей груди.

— Ну, такъ мнѣ ничего больше не надо отъ жизни. Я счастливъ! Надѣюсь сдѣлать счастливой и тебя. А остальное предоставимъ устроить жизни. Она отлично умѣетъ обдѣлывать эти дѣла.

Онъ простился съ Натаровой и вышелъ.

Было уже поздно и темно. Фонари были погашены Накрапывалъ дождь. Только окна въ большомъ зданіи клуба ярко свѣтились, и Иванъ Петровичъ зналъ, что въ эту минуту въ обширной столовой клуба идутъ разговоры почти исключительно о немъ, о его отставкѣ и о его предстоящемъ бракѣ.

VII.

За Ольгинскимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ бурную горную рѣчку, которая перерѣзываетъ городъ на двѣ части: лучшую — отъ вокзала до моста, и худшую—зарѣчную, гдѣ были расположены мизерныя деревянныя строенія бѣдныхъ жителей, тянулось шоссе. Это шоссе пролегало мимо армянскаго базара съ его многочисленными лавченками дешевыхъ серебряныхъ издѣлій, бурокъ, конскихъ снаряженій и пурнями, то есть, хлѣбопекарнями, въ которыхъ голоторсные персы пекли на виду у прохожихъ узкіе

НАТКНУЛСЯ НА СЕКРЕТЪ. Оригин. рисун. **А. Шлиппера-сына**

и длинные, плоскіе лаваши. Далѣе шоссе углублялось въ рощи раинъ, которыя густой ратью подступали къ первымъ отрогамъ громадныхъ скалъ и какъ-бы брали ихъ приступомъ.

Здѣсь шоссе уже незамѣтно подымалось въ гору и переходило въ горную дорогу, первой дистанціей которой и завѣдывалъ Матвѣй Семеновичъ.

Верстахъ въ десяти отъ города по этой дорогѣ, пріютившись у громадной скалистой стѣны, стояли деревянныя казармы рабочихъ: въ этихъ казармахъ двѣ комнатки были отведены подъ канцелярію и кабинетъ Матвѣя Семеновича.

Здѣсь, на мѣстѣ работъ, инженеръ дѣлалъ свои смѣты, выкладки, составлялъ отчеты, разбиралъ претензіи многочисленнаго персонала, бывшаго въ его завѣдываніи. Словомъ, здѣсь была живая лабораторія его инженернаго дѣла и здѣсь онъ проводилъ большую часть рабочаго дня; часамъ къ четыремъ дня онъ оканчивалъ всѣ свои дѣла, садился на золотистаго карабаха и отправлялся въ городъ вознаграждать себя театромъ, клубомъ или винтомъ за дѣловой и скучно проведенный день.

Комнатка была маленькая, съ однимъ окномъ, выходившимъ на дорогу; дорога ползла по крутому обрыву, внизу котораго бурлила и клокотала рѣка, а по другую ея сторону высились громадныя красновато-сѣрыя стѣны скалъ.

Изъ окна были видны только эти скалы и небольшая, узкая полоска блѣдно-голубого неба; и скалы, словно какой-нибудь гигантскій экранъ, поставленный предъ дневнымъ свѣтомъ, давали черезъ окно кабинета какой-то мрачный зеленоватый отблескъ, наполнявшій комнату странными сумерками.

Когда Иванъ Петровичъ пріѣхалъ къ казармѣ и вошелъ въ первую комнату, онъ услыхалъ за тонкой дощатой перегородкой, отдѣлявшей отъ нея кабинетъ, громкіе голоса.

Онъ не хотѣлъ мѣшать Матвѣю Семеновичу и усѣлся на тахтѣ въ ожиданіи, когда инженеръ освободится отъ посѣтителя.

Но разговоръ долго не прекращался и становился все громче и громче.

Очевидно, разговоръ былъ не изъ мирныхъ.

Иванъ Петровичъ два раза громко кашлянулъ, чтобы за перегородкой обратили на него вниманіе, но это не подѣйствовало, и Матвѣй Семеновичъ продолжалъ громко спорить.

Ясно, до послѣдняго слова, долеталъ до слуха Ивана Петровича этотъ споръ. И онъ невольно сталъ слушать.

— Помилуйте, вашескородіе,—говорилъ чей-то голосъ,—обижаться сему нечего, завсегда такъ бывало и со всѣми анжинерами...

— Со всѣми, да не со мной!—крикнулъ Матвѣй Семеновичъ.

— Будьте такъ милосливы, не кричите. Ничего нѣту такого, чтобы, значитъ, кричать. Мы тоже здѣся уже двѣнадцатый годъ состоимъ на подрядахъ.

— А я второй,—сказалъ Матвѣй Семеновичъ.—Что изъ этого? Вы хотите сказать, что вы двѣнадцать лѣтъ обкрадывали казну? Такъ, что-ли? Ну, а я вотъ два года здѣсь, да не допущу этого. Чего ты улыбаешься, гнусная твоя харя?—вдругъ сталъ ругаться Матвѣй Семеновичъ.—Молъ, на двѣнацатый-то годъ обойдетесь? Можетъ быть! А вотъ пока не обошелся. И ничего ты со мной не подѣлаешь!

— Будьте такъ милосливы, не ругайтесь. Извѣстно — ничаво, коли ежели человѣкъ, можно такъ сказать, анжинеръ, а своей пользы не понимаетъ...

— Ахъ, забодай тебя тарантулъ и сколопендра! Скажи, пожалуйста! Да какъ ты смѣешь говорить такія гнусности? Вѣдь, ты подумай, розовая твоя, упитанная харя! Ты мнѣ приносишь двѣ смѣты... У Претины оползъ ледникъ и сдвинулъ дорожную насыпь. Я тебѣ даю нарядъ сдѣлать исправленія, а ты мнѣ приготовилъ двѣ смѣты. Вотъ это, молъ, истинная „промежду насъ остапется“, а это — вздутая „для казны“. Вѣдь, рыжая ты борода, понимаешь, что ты, мнѣ предлагаешь?

— Не мальчикъ, со всѣмъ смысломъ понимаемъ.

— Что-же ты понимаешь, чертъ эдакій?

— Будьте такъ милосливы, такихъ поносныхъ словъ не произносите! Занапрасно утруждать себя изволите. Я такъ понимаю, что тыщенки по полторы нажить можно. Перепадетъ!

— Да, вѣдь, это называется казну грабить! Понимаешь?

— И оченно даже. Извѣстно, что-жъ за человѣкъ, который отъ казны не наживется? На то вы и поставлены, гг. анжинеры, а за вами — мы. И завсегда такъ было.

— А въ Сибирь прогуляться?

— За это-то въ Сибирь? Не слыхалъ что-й-то, не было такого случая.

— А контроль?

— Чево это? Контроль? Въ лучшемъ видѣ обойти можно. Конт-ро-оль!—съ оттѣнкомъ презрѣнія протянулъ голосъ.

— Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу, Макаровъ. Ты мнѣ подай настоящую смѣту. Я вижу, тебѣ ничего не втолкуешь. То есть, по-твоему, настоящую, а по-моему, и она высока непомѣрно. Я тебѣ ее кое-гдѣ посокращу. Эту смѣту я и утвержу. И не говори! Не хочешь--не надо. Я войду съ представленіемъ объ уничтоженіи договора и возьму другого подрядчика работъ. Вашего брата—что собакъ нерѣзаныхъ, силой не держу.

— Пощадите, Матвѣй Семеновичъ, какъ это возможно?!

— Да такъ вотъ и возможно; а не хочешь—брысь!

Послышался тяжкій, протяжный вздохъ.

— Житья за вами не стало, Матвѣй Семеновичъ! И что за человѣкъ! Господи спаси и помилуй! ни себѣ, скажемъ, ни другимъ...

— Ужъ, братъ, каковъ есть, не взыщи. И знаешь что, рыжая ты борода? ты мнѣ здорово надоѣлъ.

— Сдѣлайте такую милость, не обижайте!

— Я тебя и не обижаю—проваливай. А еще разъ повторится—такъ и знай: мы съ тобой разстанемся.

Голоса прекратились, послышались тяжелые шаги, хлопнула дверь.

Иванъ Петровичъ видѣлъ, какъ мимо него прошелъ ражій дѣтина, розовый, упитанный, откормленный, съ окладистой бородой огненнаго цвѣта. Онъ былъ одѣтъ въ тулупчикъ и на немъ были кавказская папаха и сапоги бутылками. Макаровъ подозрительно заглянулъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Иванъ Петровичъ.

— Можно войти?—спросилъ Кедринскій.

— Войдите! Ахъ... это—вы, Иванъ Петровичъ! Здравствуйте!

— Я... и тотчасъ-же долженъ извиниться предъ вами...

— Въ чемъ?

— Я былъ невольнымъ, прошу этому вѣрить, свидѣтелемъ вашего разговора съ подрядчикомъ. Я кашлялъ, стучалъ, но вы ничего не слыхали.

— А, что мы говорили, слыхали?—улыбнувшись, спросилъ Матвѣй Семеновичъ.

— Стѣна такая тонкая... все слышно отъ слова до слова. Ради Бога, извините.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Ей весело. (Къ рис. на стр. 1153.) Ей весело! Да и могутъ-ли тоска или грусть приблизиться къ ней, могутъ-ли онѣ омрачить эти прекрасные глаза, затуманить это свѣтлое личико? Молодости чужды и тоска, и грусть. Если-же молодостью обладаетъ такая красавица, какъ эта дѣвушка, то и спутниками такой молодости могутъ быть только радость и веселье. Отчего ей весело? Да все, все для нея—радость и веселье. Радуется она и тому, что она красива, и тому, что она молода, сама жизнь для нея—радость.

Теплая осень. (Къ рис. на стр. 1159.) Такъ-же, какъ и лѣтомъ, ярко горитъ на небѣ ясное солнышко, такая-же теплота разлита въ воздухѣ, но осень все-таки чувствуется и что-то непонятное щемитъ грудь, какъ-бы жаль чего-то, безвозвратно прошедшаго, утерянnаго. Почему это? Не потому-ли, что осень напоминаетъ намъ о нашей старости, о нашемъ увяданіи? Вѣдь, и онѣ непремѣнно должны наступить послѣ юности и расцвѣта силъ, какъ неизбѣжно наступаетъ осень, смѣняя пышное лѣто.

Идиллія въ лѣсу. (Къ рис. на стр. 1161.)

Притомилася малютка,
Заблудилася въ лѣсу
И забыла въ утомленьѣ
Утра яснаго красу.
Миновало быстро утро,
Наступилъ горячій день,
И уставшая малютка
Забралась въ лѣсную сѣнь.
Вотъ она лежитъ въ дремотѣ
У раскидистой сосны
И красавица ей фея
Навѣваетъ тихо сны.

Утки на полетѣ. (Къ рис. на стр. 1167.) Кончилось лѣто. Потянуло съ сѣвера холодомъ, зелень полей и лѣсовъ стала покрываться по утрамъ бѣлымъ инеемъ,—и начались какія-то таинственныя сборища пернатыхъ обитателей этихъ полей и лѣсовъ. Все болѣе и болѣе многочисленными становились эти собранія, все шумнѣе и шумнѣе дѣлались они. На сборищахъ обсуждался весьма важный вопросъ: пришло время переселяться пернатымъ съ сѣвера въ теплые края. Предстояло пускаться въ далекій и трудный путь, было о чемъ переговорить. Народились въ теченіе лѣта новые члены; въ первый разъ полетятъ они, нужно и имъ разсказать о предстоящихъ трудностяхъ. Но вотъ кончились обсужденія, кончились сборы, и каждый день въ небесной выси можно наблюдать стройныя вереницы пустившихся въ отлетъ птицъ. На нашемъ рисункѣ изображены утки на полетѣ. Онѣ только что поднимаются со своего болота, громкимъ крикомъ поощряя молодыхъ и созывая ихъ въ стаю.

Любовь, вѣра и надежда. (Къ рис. на стр. 1169.) Любовь, вѣра, надежда—вотъ три основы, на которыхъ держится наша жизнь. Слѣдуя правиламъ всеобъемлющей любви, вѣруя въ силу этой любви и надѣясь на побѣду любви надъ зломъ, какъ легко жить! Не настало-ли-бы время вѣчнаго блаженства на землѣ, если-бы всѣ жили такъ? Вѣдь, и Самъ Христосъ заповѣдалъ такъ жить людямъ, Христосъ, сошедшій на землю къ людямъ для того только, чтобы спасти міръ отъ зла. Помѣщаемое въ слѣдующемъ № 38 журнала стихотвореніе И. Юрьевскаго «Надежда» прекрасно передаетъ впечатлѣніе, производимое этимъ рисункомъ.

Наткнулся на секретъ. (Къ рис. на стр. 1177.) Въ продолженіе военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ замѣчалось, что китайцы и хунхузы съ сопокъ и горъ часто сигнализировали японцамъ о расположеніи нашихъ отрядовъ. Нерѣдко, конечно, случалось такимъ сигнальщикамъ натыкаться и на наши секреты. Предполагая, что кругомъ никого нѣтъ, хунхузъ преспокойно сообщалъ знаками противнику все, что тому нужно было знать; но вдругъ откуда-то изъ-за куста неожиданный выстрѣлъ, и жизнь сигнальщика кончена. Этотъ-то моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 37-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**; **Безумная.** Стих. И. Епифанова.—**Ершъ и пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго.—**Въ лѣсу осенью.** Стих. Н. Кононова.—**Измѣнникъ.** Разсказъ В. Муйжеля.—**Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.)—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Ей весело. Съ карт. К. Фульда.—Теплая осень. Ориг. рис. Е. Степанова.—Идиллія въ лѣсу. Съ карт. П. Вагнера.—Утки на полетѣ. Съ карт. Г. Вастагъ.—Любовь, вѣра и надежда. Съ карт. К. Шраммъ.—Наткнулся на секретъ. Ориг. рис. А. Шлиперасына.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. №№ 5.321—24. Юмористическій разсказъ Яши Пасынкова.—Любящій супругъ. (1 рис.)—По привычкѣ. (1 рис.) Невѣроятно. (1 рис.)—Юный аферистъ. (1 рис.)—Мозаика.—Атлетъ. (4 рис.)—Магическая фигура № 14.—Географическая задача № 29.—Перестановка буквъ № 40.—Створчатая задача № 31.—Магическій квадратъ № 15.—Шарада № 31.—Магическій крестъ № 19.—Энстихозъ № 7.—Перестановка слоговъ № 9.—Энстихозъ № 8.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 35.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Полное затменіе солнца 17-го (30-го) августа 1905 г. (Съ 2 рис.)—С. Ю. Витте. (Съ портр.)—Русскіе плѣнные въ Японіи. (Съ 3 рис.)—Австрійскій императоръ Францъ Іосифъ на маневрахъ въ Трентино. (Съ 1 рис.)—Самое большое судно въ мірѣ. (Съ 1 рис.)—Къ событіямъ въ Марокко. (Съ 1 рис.)—Катастрофа въ англійскомъ Портсмутѣ. (Съ 1 рис.)—Процессія со змѣями. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Общеполезная библіотека „Родины“ 1905 г. Книга 8-я.

„БОТАНИКА“. (Съ 43 иллюстраціями.)

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

Французскіе брилліанты

!!ДЕШЕВО!!

Массивное золотое кольцо 56 пр. новѣйшаго фасона „Маркизъ“, кругомъ осыпаное настоящими французскими брилліантами „Бенгаль“, ничѣмъ не отличаемыми даже спеціалистами отъ настоящихъ дорогихъ брилліантовъ; въ серединѣ рубинъ, сапфиръ, бирюза, изумрудъ и т. д., по выбору заказчика, цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійск. имперіи, въ элегантномъ футлярѣ—только 4 р. 25 к., 2 шт.—8 р. Пара крупныхъ золотыхъ серегъ 56 пр., такого-же фасона, осып. франц. брилліант.—4 р. 50 к., 2 пары—8 р. 50 к. Высылаетъ безъ задержки наложеннымъ платеж. торговый домъ **„М. Якубовичъ“**, Варшава, Желѣзная, уголъ Грибной, 48а. 441

Фирма **НАШЕЛЪ!** существ. съ 1884 г. возможность увеличивать портреты почти въ натуральную величину бюстомъ, разм. 30 на 40 стм. съ рамкой и пересылкой 4 рубл. Художеств. мастерская свѣтописи. С.-Петербургъ, Садовая, № 64. 4 32

С.-Петербургъ, Невскій, № 59, депо часовъ,

М. СОКОЛОВЪ,

бывш. много лѣтъ мастеромъ знаменитой фирмы часовъ **Г. МОЗЕРЪ и К°**, какъ спеціалистъ, рекоменд. изъ своего склада по оптовой цѣнѣ слѣд. сорта лично имъ провѣренныхъ часовъ высш. качества, съ полнымъ ручательств. на 5 лѣтъ. **Часы мужск. черные**—4 р. 80 к., лучш. сорта анкер.—7 р. 50 к. и 12 р. **Часы мужск. анкер.**, на 15 камн., серебр., 84 пр., массивныя три крышки, заводъ ключ.—9 р. 85 к. и 12 р. 50 к., зав. головкою—12 р. и 15 р. **Часы мужск. америк. золота** „Дубле“, анкер., на 15 кам., —8 р. 75 к. **Часы дамск.** черн.—7 р. 75 к., **серебр., 84 пр.**,—9 р. 75 к. и 15 р.; крѣпко вызолоч. на 1 р. дороже При всѣхъ часахъ безпл. изящн. цѣпь. **Пересылка на счетъ фирмы**, налож. платеж. безъ задатка. **Требуйте без пл. иллюстр. каталогъ.** 429

Вниманію гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой

А. МЕЛЛЕРЪ сущ. съ 1850 г.

МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ и ЮВЕЛИРНЫХЪ ВЕЩЕЙ

Мастерская для исправленія хронометровъ, сложныхъ часовъ и ювелирныхъ вещей.

Вас. Остр., Большой пр. 41, соб. домъ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364

Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

Граммофонъ „Слава“ цѣна **10 руб.**

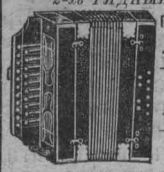
Пластинки—1 руб 10 шт.—9 руб.

Ново!

Открытыя письма съ граммофон. пластинкою—10 шт. 2 р. 50 к., 25 шт.—5 руб., 50 шт.—9 р. 50 к. Требуйте **каталогъ**. Единств. представители для всей Россіи: А. Шубертъ, С.-Петербургъ, Мойка, 64/3. 433

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ мѣдными планками углы меха обиты метал.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ
голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.
САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ мѣдные голоса желѣзныя планки
2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
мѣдныя планки
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р.
8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса
мѣдныя планки
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.) –30 руб. и 1/2 ящ.—16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „**Кумысъ и его приготовленіе**“. (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка, Самарской губер., Вѣрѣ Постниковой. 422

Американская новость!!

Музыкальныя говорящія и пѣвчія открытыя письма

„ПИФЪ-ПАФЪ“

съ разными видами, подходящія къ каждому граммофону. 1) **Музыкальныя** открытыя письма передаютъ громко, долго и ясно различную музыку какъ оркестровую, такъ и отдѣльныхъ инструментовъ, а также хоровое и сольное пѣніе, разговоры, куплеты, смѣхъ и проч. 2) Открытыя письма замѣняютъ вполнѣ употребляемыя до сего времени пластинки и могутъ служить одновременно открытымъ письмомъ для веденія различныхъ переписокъ. 3) Откр. письма художественно-артистически выполнены, съ разными иллюстраціями красавицъ. 4) Откр. письма могутъ находиться въ употреб. **нѣсколько сотъ разъ** на какомъ-бы то ни было граммофонѣ, начиная отъ самаго дорогого до дешеваго, **не теряя своей громкой игры.** 5) Открытыя письма высылаются **не менѣе 20-ти штукъ, за 5 руб. съ перес.** Заказы исполняются **наложеннымъ платежомъ. Адресовать: Представители на всю Россію, Т-во „Комета“, Варшава, Грибная.** Р. S. Граммофоны „Тонармъ“ I-го сорта съ ручательствомъ за прочность механизма на 10 лѣтъ. Цѣна вмѣсто 100 руб. 33 руб. съ пер. Граммофоны II-го сорта цѣна 10, 12 и 15 руб. Безплатно прилагается 5 пластинокъ. Граммофоны высылаются по полученіи 5 руб. задатка. 424

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ «Родины» подписались въ разсрочку и выслали при подпискѣ только

по ЧЕТЫРЕ и по ПЯТИ руб.

Контора редакціи проситъ такихъ лицъ, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала,

поспѣшить взносомъ доплатныхъ денегъ,

такъ какъ срокъ прекращенія высылки имъ изданія наступаетъ

съ № 39-го.

При доплатѣ **необходимо прилагать тотъ адресъ**, который наклеивается на оболочку журнала, а въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его подробно письменно, проставляя **цифры тракта и мѣста** (цифры, стоящія на адресѣ справа) и **номеръ** (стоящій на адресѣ слѣва вверху).

НЕСТЛЕ
дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ!

Въ книжномъ складѣ изданій „РОДИНА“,
С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Саловая, д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи (противъ гостиницы „Россія“),

продается слѣдующее изданіе А. А. Каспари:

ЧУДО-БОГАТЫРИ.

(Изъ жизни генералиссимуса князя А. В. Суворова.)
Историческій романъ А. И. Красницкаго. Спб., ц. 1 р. съ перес.
Этотъ превосходный историческій романъ представляетъ особенный, исключительный интересъ ввиду того, что въ немъ въ романической формѣ, на почвѣ захватывающей вниманіе читателя интриги, описана жизнь величайшаго изъ русскихъ героевъ, генералиссимуса князя А. В. Суворова-Рымникскаго, и его сподвижниковъ, славныхъ русскихъ воиновъ, русскихъ „чудо-богатырей“.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Parfumerie
AZUREA
L.T. PIVER – PARIS

ВЕЛИЧАЙШІЙ въ РОССІИ МАГАЗИНЪ

ТОРГОВ. МАРКА
МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Мюръ и Мерилизъ
427
МОСКВА

Вышелъ **новый прейсъ-курантъ** на осенній сезонъ 1905 г. и **разсылается** всѣмъ желающимъ **безплатно.** прейсъ-курантъ содержитъ послѣдн. новости туалета, хозяйственныя, конторскія и техническія принадлежности, предметы роскоши, музыкальные инструменты и проч., **почему и является необходимой справочной книгой въ каждомъ домѣ.**

ЛУЧШІЯ ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“ и „ТРІУМФЪ“
ВЕЛИЧАЙШІЯ ВЪ МІРѢ
ФАБРИКИ
ТОРГ. ДОМА
А. КАТЫКЪ и К°
МОСКВА

НОВОСТЬ.
КРАСКА КУПЧИНСКАГО.
ДЛЯ ВОЛОСЪ
Волосы сѣдые получаютъ желаем. цвѣтъ если лично, безъ сторонней помощи, протереть щеточкой жидкостью изъ флакон. № 1, 2 и 3-го; послѣ чего становятся мягкими и не пачкаютъ бѣлья. Окрашивать разъ въ мѣсяцъ. Въ требованіи указывать цвѣтъ волосъ: черный, шатенъ или блондинъ. Цѣна 3 р. 5., перес. нал. платеж. Ск. П. Виноградовъ, Москва. Рождественка, д. № 2. Продается вездѣ.

Вмѣсто 23 руб.

только за 3 р. 75 к. съ пер. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карманн. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ не позолоченные заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Т-ва „Таванъ“, Варшава, Лешно, 22. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ.
Р. S. Премія: при заказѣ 5 штукъ часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. 426

ДЕНЬГИ
(БЕЗЪ ПОРУЧИТЕЛЕЙ)
до 1.000 р. на годъ (и по особ. соглаш. до двухъ лѣтъ) предлагаютъ имѣющимъ интел. службу, торговлю, движ или недвиж. На безпл. высылку разрѣш. правит. условій прилагать конвертъ съ выписан. своимъ адресомъ и штемп. или накл. маркою. Предъявит. кред. бил. Б. Х. 275.552, Главн. Почт., СПБ. 428

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ
Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 16. кв. 9.

Дозволено цензурою. Спб., 12-го августа 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.